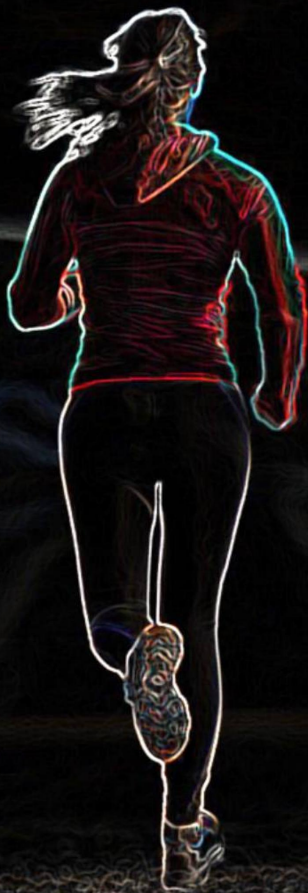

Во сне и наяву

Б. Конофальский

18+

Борис Конофальский
Во сне и наяву
Серия «Во сне и наяву», книга 1

<https://litres.ru/66155084>

SelfPub; 2022

Аннотация

Книга о девочке, которая проживает одновременно две жизни — во сне и наяву. И все чаще ужасы из снов появляются в ее реальной жизни, как будто догоняя её.

Содержание

Во сне и наяву	4
Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	47
Глава 6	59
Глава 7	69
Глава 8	78
Глава 9	91
Глава 10	100
Глава 11	111
Глава 12	119
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Борис Конофальский

Во сне и наяву

Во сне и наяву

Глава 1

Открыть глаза. Закрыть глаза. Снова открыть. Ничего, абсолютно ничего не меняется. Ничего. Слепота? Ее глаза больше не видят? Она вспомнила ещё не очень давний урок физики. Фотоны. Училка по физике, Анна Аркадьевна, говорила про них, говорила, что это частицы света, что летят в пространстве. Что эти частицы и есть свет. Так вот, ни один фотон в это пространство, где сейчас она находилась, не залетел. Полная темнота. Непроглядная тьма. Тьма такая, словно у неё попросту не было глаз. А ещё влажность, которая пробирает прохладой спину. Прохладная сырость и полная темнота. Да, она чувствовала, как промокли её майка и трусы со спины. У неё ещё и ступни ног, и особенно пальцы, чуть-чуть замёрзли. А руки её, которые она держала вдоль тела, нащупывали рядом с ней влажные комочки. Земля была сырой и рассыпалась под пальцами. И тут ей показалась, что по правой ноге её что-то... кто-то ползёт. Ма-

ленькие крючочки цепляются за её кожу, цепляются и цепляются, настойчиво ползут вверх по ноге. Начали с голени и, цепляясь дальше, приближаются к колену. Девочка больше всего на свете не любила всяких жуков и вообще всех насекомых. Всех. А тут какой-то жучок, или кто ещё там, ползёт по её ноге. Да ещё в этом мраке она не могла поглядеть на него. Не могла увидеть ЭТО. Страх вперемешку с омерзением. От УЖАСА девочка закричала, вернее, вскрикнула коротко, встряхнула ногу: сбросить, сбросить, сбросить эту дрянь с себя. Немедля. Она даже попыталась приподняться, чтобы стряхнуть это с ноги. ... В полном мраке девочка бьётся зубами и губами обо что-то жёсткое. На лицо сыплется песок и мелкие камушки, их мало, но теперь ещё песок скрипит на её зубах, а во рту у неё мерзкий привкус крови. Но ни песок, ни кровь, ни даже та тварь, что ползёт по её ноге, не вызывают в ней такого ужаса, как осознание того, что в этой крошечной тьме над ней что-то нависает. Большое, тяжёлое, каменное. Она даже позабыла на время о том, что по ней кто-то ползает, теперь девочке было нужно... просто необходимо узнать, что это над ней, что под ней и где она вообще находится. И предчувствие чего-то ужасного зарождалось у нее в душе, тем больше, чем больше она начинала осознавать себя, своё положение. Кажется, она просыпалась. Приходила в себя от глубокого, глубокого сна, в котором случилось что-то страшное. Мысли её становились всё чётче. Темнота, сырая земля, нависающее над ней что-то, какая-то дрянь, пол-

зающая по её ноге.

Что это такое? Где она? Почему она здесь? Ведь вчера, девочка это сейчас отлично помнила, она ложилась в свою постель, в своей комнате, которую делила с двумя своими пятилетними братьями.

А теперь, где она? Как она тут очутилась? Что это такое вокруг?

Та тварь, что ползла по ней, уже доползла до колена. Девочку аж затрясло. В попытке стряхнуть её она захотела согнуть колено и сразу ударилась им о камень, что нависал над ней. То, что это был камень... ну или что-то такое же твёрдое и холодное, у неё уже сомнений не оставалось. Девочка, на секунду забыв про то существо, что ползало по ноге, попыталась поднять руку, но опять ударилась, на сей раз костяшками пальцев. Камень, кажется, был повсюду. Она поняла, и для этого ей не нужны были глаза, что лежит на сырой земле под огромным камнем, в полном мраке и сырости. Девочка проглотила слюну с привкусом крови, стиснула зубы, как будто боялась, что её кто-нибудь услышит, и негромко завывала. Ничего другого она сейчас не могла сделать. Только выть. Но собственный вой ещё больше напугал её. Звук собственного голоса был отвратительным и пугающим. Он был до ужаса глухим. Это был звук могилы. Девочка была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, что такое смерть и могила. И это место было как раз тем, что могло так называться. Она поняла, что погребена. Ужас обрушился на неё

горячей волной, да ещё та тварь, что ползла по ней, кажется, решила, что её нога выше колена – неплохая еда, или дом, или место для кладки яиц. Тварь начала весьма основательно, по-деловому, вгрызаться в кожу девочки. Не просто укусила вдруг, а именно стала вгрызаться. Вгрызаться, крепко и надёжно вцепившись в кожу лапами-крючками, чем-то острым стала её прокусывать, один укус за другим, один за другим. Помимо того, что ей было больно, это место ещё и дико чесалось, но хуже всего было то, что ей было страшно.

Страшно от того, что кто-то, хоть и невидимый, но явно мерзкий, настырно и усердно дырявит тебе кожу. Сознание девочки, какие-то её мысли, её попытки что-то понять и так были зыбки, эфемерны от заливающего её душу ужаса, а тут и вовсе покинули её. Она уже не могла ни понимать, ни думать, ни анализировать. Девочку затрясло, выгнуло. Ей надо было во чтобы то ни стало освободиться, выбраться отсюда. Выбраться, чего бы это ни стоило. Её мозг разрывал ужас: тьма, прохладная сырость, могильные звуки, какая-то тварь на ноге и этот страшный камень, камень, почти придавивший её к мерзкой и холодной земле! Девочку затрясла истерика, она сначала выгнулась, закричав что было сил, а от её сдавленного и глухого, поистине замогильного голоса ей стало ещё хуже, ещё страшнее. Она стала биться, лишь бы сбросить эту тварь с ноги. Она дважды сильно ударилась лицом о нависавший над ней камень, сначала бровью и ещё раз зубами. Потом она попыталась согнуться, чтобы

дотянуться до въедливой твари рукой, но лишь расцарапала в кровь костяшки пальцев, так и не дотянувшись до неё совсем чуть-чуть. И лишь разбив о всё тот же камень ещё и колено, она всё-таки скovyрнула с себя это существо и, кажется, ещё чуть раздавила эту тварь. Но от этого легче ей почти не стало. Истерика прошла, вернее затихла, она от неё устала, растратив на неё много сил. Она всё ещё лежала на влажной земле и над ней всё ещё висел проклятый огромный камень. И ужас от осознания этого никуда не делся. Девочка была уже взрослой и весьма самостоятельной, но тут это ровным счётом ничего не решало. Что ей было делать, что? Умереть в этом ужасе?

Заснуть? Звать кого-то? Тут она не выдержала, заплакала и позвала... Конечно же, маму...

– Мама..., – и, уже не пугаясь замогильного звука своего голоса, повторила, – Мама..., – и больше ничего она произнести не могла, всё-таки очень страшно в этой могиле звучал её голос. Теперь же даже говорить ей не хотелось, она просто лежала без слёз и стонов, подрагивала от холода, ужаса и ожидания, что кусачая тварь вернётся и снова вопьётся ей в кожу. Больше ей, кажется, тут ждать было нечего.

Поэтому от того, что произошло в следующую секунду, она вздрогнула.

– Кто здесь? – раздалось в темноте.

Да! Да! Да! Кто-то её спрашивал! Спрашивал при этом голосом чистым, не приглушённым спёртым воздухом моги-

лы, не сдавленным от ужаса. Она даже дышать перестала от волнения.

«Мне это не послышалось, не послышалось», – убеждала девочка сама себя, собираясь что-то ответить. Но что? Что? Как назло, ничего ей не шло в голову, а ещё она всё-таки побаивалась, что эти слова ей почудились, что ответь она на этот вопрос, то ничего не произойдёт и больше ничего она не услышит. И тут снова прозвучали слова, всё тот же вопрос сказан был чистым голосом и тоном, которым говорят добрые люди, обязательно добрые люди.

– Здесь кто-то есть?

– Я... Я здесь, – почти закричала девочка, всё ещё боясь, что ей больше не ответят.

И опять звуки её голоса были ужасны, а звуки отвечающего чисты и красивы.

– Я...? – пауза. – А есть ли у вас название? Имя? Вы имеете имя?

Девочку не удивил такой вопрос, ей сейчас вообще было не до удивления. И попытка выяснить название не показалась ей странной, она поспешила сообщить имя, она почему-то думала, что это важно:

– Я Света, Светлана Фомина.

– Света, Светлана Фомина, – как бы раздумывая, произнёс некто всё тем же чистым голосом. А после опять спросил: – Вы находитесь ниже уровня горизонта, над вами грунт, вы там внизу от кого-то прячетесь?

– Нет, нет, – спешила ответить девочка, – я тут не прячусь... Я не знаю, как тут оказалась. Я не прячусь... Нет...

Она говорила быстро, едва не сбиваясь на рыдания. Светлана очень боялась, что обладатель красивого голоса вдруг перестанет с ней говорить.

– Вы хотите оттуда выбраться? Или мне это кажется?

– Нет, не кажется, не кажется... Я очень хочу отсюда выбраться, – Фомина уже почти кричала, и загробный звук голоса уже не пугал её. – Я очень хочу! Не могли бы вы мне помочь... Или... Или позвать кого-нибудь на помощь?

– Не уверен, что смогу вам помочь..., – эти слова для Светланы прозвучали страшно... – И уж точно, для вас будет только хуже, если кто-то из местных обитателей прознает о вашем существовании.

– Что? – Светлана Фомина готова была снова сорваться в истерику. – Вы не можете мне помочь и не хотите никого позвать мне на помощь?

– Нет, вы не правы, я хочу вам помочь, но чем? Здесь, в месте, где я нахожусь и рядом с которым находитесь вы, лучше никому о вас не сообщать, там, под грунтом, вы находитесь в безопасности.

– Я не нахожусь здесь в безопасности, не нахожусь, не нахожусь, – едва не кричала девочка. – Я хочу выбраться отсюда.

– Выбраться... Выбраться..., – повторил голос как-то задумчиво, – не думаю, что для вас это будет лучше, но я не

буду брать на себя смелость и давать советы... — некто чуть помолчал, ещё раз напугав Светлану тишиной, и продолжил: — Мне отсюда не очень хорошо слышно, но поначалу мне показалось, что справа от вас есть полость, она заметно больше той полости, в которой находитесь вы.

— Полость? — Фомина не понимала, о чём ей говорит собеседник. — Полость?

— Да, теперь я могу сказать это с уверенностью, справа от вас есть пространство большего объёма, чём то, в котором вы сейчас находитесь. Вам нужно двигаться правее от своей оси, если вы, конечно, не зафиксированы теми обломками, которые над вами. Вы можете двигаться?

— Двигаться? Да, кажется, я могу двигаться. Направо, да?

— Направо от вашей оси, если вы лежите полостью рта кверху.

«Полостью рта кверху»... Девочка не стала долго думать над этими словами и вытянула правую руку вдоль земли и, к своей радости, ни до чего не дотронулась.

— Мне туда ползти?

— Попробуйте. Там объём значительно больше того, в котором находитесь вы.

И Светлана, ударяясь коленками о камень, висящий над ней, стала по сантиметру, по сантиметру просачиваться вправо от себя.

Она всё ещё очень боялась, что голос исчезнет, и поэтому спрашивала:

– Я правильно ползу, вы меня видите?

– Я вас не вижу, но я слышу колебания воздуха, что вы производите, они становятся отчётливее, я слышу вас, думаю, вы преодолеваете пространство в правильном направлении.

Этот голос в полной тьме, в сырой прохладной могиле был для девочки единственным, что давало ей хоть какую-то надежду.

Он позволял ей не сойти с ума от страха, граничащего с паникой, и не провалиться в истерику от безысходности. Он для Светланы был словно маяк для корабля в беспросветной ночи, он давал ей направление к спасению. Она ползла лицом вверх, тяжело дышала, протискивалась между влажной землёй и камнем, то и дело ударяясь о камень коленками. И один раз даже лбом. Но Светлана была очень рада тому, что всё ещё ни во что не уперлась по ходу своего движения. И тому, что голос ей отвечал.

– Я правильно ползу?

– Вы двигаетесь в правильном направлении, – слышала она всё так же чётко и хорошо.

И тут, когда она уже основательно сместилась вправо и случайно согнула колено больше, чем нужно... Колено вдруг не ударилось о камень, висевший над Светланой. Оно согнулось. Волнуясь, девочка проползла ещё немного и смогла согнуть оба колена. Камень теперь был уже не так близок, как раньше, коленями она его не доставала. Девочка с замира-

нием сердца подняла руку. И, о чудо... рука выпрямилась до конца, и только пальцы смогли прикоснуться к ненавистному камню. Она тут же перевернулась и села на колени, теперь лишь её голова прикасалась к камню. Наконец-то она могла сидеть, жаль, что голову выпрямить было нельзя.

Светлана перевела дух, да, конечно, тут ей было лучше. Пусть даже тьма так и осталась тьмою, но теперь она уже не была зажата в щели, теперь она могла двигаться. Например, обшарить темноту руками и ничего в ней не найти. Но тут же у неё возник вопрос, который она немедленно задала:

– А дальше мне куда?

– Дальше?

Девочка опять обрадовалась, услышав голос.

– Я не очень хорошо слышу, куда вам двигаться дальше, попробуйте повернуться направо, относительно своей оси... Градусов на восемьдесят.

Из всего сказанного девочка поняла лишь «повернуться направо».

Она сразу сделала это.

– Так?

– Да, вибрации стали чётче, но попробуйте повернуться ещё на двадцать градусов вправо.

– Так? – спросила она, ещё чуть-чуть развернувшись.

– Да. Вот сейчас вы заняли идеальное направление, – прозвучал голос. – Теперь двигайтесь в этом направлении. Это путь на поверхность, если, конечно, вы считаете, что вам там

будет лучше.

Она даже говорить на эту тему не стала. Что бы там ни было, тут Светлана оставаться не хотела точно. Девочка встала на четвереньки и поползла вперёд, одной рукой шаря перед собой. Ей не хотелось налететь головой на камень. И хоть снова пространство перед ней сужалось, и хоть снова камень прижимал её к земле, тем не менее, она значительно продвинулась вперёд. Через каждые несколько пройдённых метров она спрашивала правильность своего направления, и всякий раз голос сообщал ей, что звуки её голоса становятся чётче. И она ползла дальше. Единственное, что теперь пугало девочку, так это то, что под колени и ладони стали попадаться живые, колющие, хрустящие жуки, которых она случайно давила и которые её при этом пытались укусить. Это, судя по всему, были те же гадины, что и та, которая пыталась прогрызть ей ногу. Они, конечно, пугали Светлану, но точно не могли остановить, она ползла и ползла вперёд.

Глава 2

А эти кусаки становились всё больше и всё злее. Один из таких, чуть хрустнув под левой её ладонью, сначала впился в неё каким-то её шипом, а потом и вцепился в мизинец, да так, что она вскрикнула и остановилась, чтобы оторвать эту твёрдую и страшную тварь от руки. Оторвала её с силой, уколовшись ещё раз, и, забыв страх, сжала так, чтобы ещё и раздавить кусаку. Кинула колючую тварь куда-то в сторону и всхлипнула от боли в исколотых руках.

Самое ужасное было то, что она их не видела. И поэтому не могла избегать контактов с ними. Девочка опять всхлипнула.

– Вы приостановили движение? – донёсся до неё голос.

– Я уже ползу, ползу. – отвечала девочка, не без волнения опуская ладони на землю. – Тут просто какие-то жуки... Они колют руки и кусаются.

– Если вы рассчитываете на мою помощь в продолжении вашего пути наверх, то вам нужно торопиться, моё время тут истекает, вскоре мне нужно будет покинуть эту локацию.

«Покинуть локацию, покинуть локацию... – это значит уйти?» Страх, который только что, кажется, покинул Светлану, снова вернулся.

– Нет, я прошу вас, не уходите, скажите мне... куда мне ползти. И не уходите... пока..., – стала быстро говорить она.

– Вы уже значительно продвинулись вперёд, теперь возьмите... градусов двадцать пять левее от вектора предыдущего движения.

– Налево повернуть?

– Да, градусов на двадцать пять. И двигайтесь.

Светлана поползла вперёд:

– Я правильно ползу?

– Да, правильно, но вам нужно торопиться, моё время истекает.

И тут ей было уже не до жуков, которые хрустели под ладонями и коленями. Она ползла вперёд, и теперь только одно волновало девочку:

– А когда вы хотите... Когда вы уйдёте?

– Когда мои силы закончатся, я буду вынужден вернуться к себе.

– А когда они закончатся?

– Вы ещё можете располагать мной какое-то время, я постараюсь быть с вами как можно дольше.

«Какие силы закончатся... какое-то время... как можно дольше...» – ничего это ей не говорило. Впрочем, назови он точное количество минут, это Светлане тоже не сильно помогало бы, девочка понятия не имела, сколько она тут находится и как тут течёт время. Она просто старалась ползти вперёд быстрее, уже не обращая внимания на уколы хрустящих «колючек», которых становилось всё больше. Кажется, они ещё и шипели. Но ничего, ничего, она старалась не об-

ращать на гадин внимания, лишь спрашивала:

– Я правильно ползу? Правильно?

И с радостью, и с надеждой слышала ободряющее:

– Вы двигаетесь в верном направлении.

Девочка уже смирилась с тем, что руки её, да и колени, и даже голени были исколоты, одну тварь, небольшую, Светлана, не останавливаясь, вытряхнула из майки! Как она только туда забралась? Но пусть, пусть, лишь бы не добрались кусаки до лица. Ну и в трусы не забрались. Светлана торопилась, ей было не до кусак. А тут вдруг камень по ходу её движения пошёл вниз и вниз, вниз и вниз, сначала ей пришлось пригибаться, потом она поползла на животе, а потом... Камень опустился так низко к земле, что ей удавалось просунуть вперёд только руку.

Она готова была зарыдать... закричать... возмущаться... Она была зла на голос.

– Тут нет пути! Нет прохода! Нет прохода, я тут не пролезу.

– Да, кажется, так и есть, – невозмутимо отвечал ей голос, – кажется, тот объём не соответствует вашим габаритам. Но вы не должны меня упрекать, я не могу видеть пространство вокруг вас, я лишь слышу колебания воздуха, которые вы производите.

– Но что же мне делать? – кричала Светлана, вытаскивая руку из щели и срывая с неё кусаку, сдавливая его, чтобы раздавать. – Что мне теперь-то делать?

Одна мысль, что ей придётся остаться тут, в этой тьме, с этими омерзительными тварями, могла довести её до самоубийства. Да было бы тут ещё чем самоубиться! Но опять голос вселил в неё надежду:

– Мне кажется, область малых объёмов перед вами не так уж и велика, вы сможете переместить некоторое количество грунта в обратную сторону от направления вашего движения?

– Что? – не поняла она.

– Грунт, как мне кажется, влажен, – продолжал голос, – его плотность невысока, попробуйте убрать часть его со своего пути. Если это вам удастся, то вы продвинетесь весьма значительно к выходу на поверхность.

– Мне надо рыть? – Светлана снова вытянула руку, согнула пальцы и загребла как можно больше сырой земли.

– Да, попробуйте убрать часть грунта со своего пути.

Светлана никогда до этого не копала землю руками, но, к счастью, земля была влажной и рыхлой. Девочка чуть отползла назад и начала выгребать из-под себя грунт из щели. Это было бы несложно, если бы не кусаки. Она едва начала разбираться с землёй, едва уяснила, как её выгребать на себя, как откидывать в сторону, как снова почувствовала «крючки» на голени правой ноги. Тварь взобралась на ногу и поползла к икре, кажется, ища места, где кожа помягче. Пришлось отвлечься от земли и скинуть эту мерзость с ноги. И сразу снова за дело, снова выгребать землю из-под камня.

Она торопилась, ей очень не хотелось, чтобы голос оставил её. От неловкости и торопливости она ударилась головой о камень, приостановилась, переводя дыхание:

– Я правильно копаю?

– Да, вы продвигаетесь в правильном направлении, но вам нужно поторопиться, мне уже пора уходить.

– Нет-нет, подождите, я копаю, копаю...

Она снова начала выгребать из-под камня землю, но, видимо, её активность, а может, запах, привлекли внимание подземных существ, или кусак тут попросту было больше. В общем, то и дело маленькие колючие твари забирались на неё и куда-то деловито ползли или и вовсе, без затей, при первой возможности впивались ей в руки, в ноги, в пальцы, в любое место, куда могли дотянуться. Это очень осложняло дело. Она протиснулась чуть вперёд, стала подгрести под себя землю, чтобы собрать кучу побольше и потом выбросить её из-под камня, вдруг – резкая боль. В левый мизинец ноги впились жвала кусаки. Пришлось выползать из щели, отрывать гадину от пальца, а она оказалась ещё такой большой! И мизинцу было больно. Светлана от злости, уколов себе ладонь, раздавила тварь и отшвырнула её в сторону. И, плача от обиды и боли, снова начала выбирать землю, расширяя проход. И чем дальше копала девочка, тем этих неприятных существ становилось больше, в одном месте, в самом узком, где ее лицо было близко к земле, какая-то ловкая ку-сака запрыгнула ей на плечо и сразу, молниеносно перебра-

лась на ухо. Светлана закричала! Быстро поползла обратно, схватила, оторвала эту мерзость от себя и, снова уколов руку, раздавила существо. Девочка всхлипнула, она очень хотела посмотреть на свои руки. Они болели, они были липкие, то ли от её крови, то ли от жидкости из жуков. Ладони все были исколоты, а некоторые проколы были глубоки и очень болезненны, всё-таки это от её крови руки были липки, а ещё у неё болело под ногтями, это от земли, которой она уже выгребла немало. И опять кусака пополз по ноге. И опять она слышала голос:

– Если вы рассчитываете на мою помощь, вам следует ускорить продвижение.

Девочке очень хотелось заплакать, но последний год жизни дал ей понять, что слёзы почти не помогают делу. Она сорвала с себя кусака, и снова полезла в щель под камень:

– Я правильно копаю? – со всхлипом спросила она.

– Да, вы двигаетесь в правильном направлении. Но вам следует торопиться, я уже почти на пределе своих сил. Мне скоро придётся покинуть вас.

Ничего другого, чтобы ускорить работу, ей говорить было не нужно.

Девочка уже не обращала внимания ни на боль в ногтях, ни на кусак, которых становилось всё больше, она стала выгребать землю из-под камня не хуже настоящего крота. В мизинец левой ноги впился очередной кусака, от испуга, да и от боли, Светлана закричала, бросила работу на пару секунд,

вылезла из прохода, оторвала тварь от пальца, отшвырнула в сторону, во мрак, и тут же поползла в проход за новой порцией земли. Ей нужно было выгребать землю, ей нужно было во чтобы то ни стало покинуть могилу, увидеть свет до того, как голос исчезнет, оставит её.

Зрячие люди и люди, которые не были погребены, никогда не поймут того ощущения, которое даёт свет. Нет, ей не стало вдруг светло, и она не смогла оглядеться, когда она выгребла под себя и потом вытолкнула назад очередную порцию сырой и рыхлой земли. Но беспроглядная тьма вдруг сменилась глубокой и мутной серостью. Однако уже это заставило её и так часто стучащее сердце забиться ещё быстрее.

– Я вижу свет..., – произнесла она, – кажется...

– И я слышу вас отчётливее, – донёсся до неё всё такой же спокойный и чистый голос.

Эти слова заставили её работать ещё быстрее, загребать и вытаскивать землю, копать, копать, копать изо всех сил, слава Богу, сил у девочки хватало. Хотя теперь ей, кажется, не хватало воздуха. Она молча расширяла проход под камнем, сопела и работала, ничего не говоря. Девочка уже увеличила отверстие под камнем, думала, что уже может протиснуться туда, полезла, уж больно манил её свет, которого становилось всё больше. Там уже было заметно светлее, свободнее, воздух был свежее. Это было глупо, нужно было ещё убрать земли, но она полезла...

Полезла и застряла. Чуть не закричала, когда подумала, что не сможет отползти назад, но, ободрав спину о камень, смогла вернуться и, плача от злости, начала выкапывать из-под камня землю. Пока не убедилась, что сможет пролезть. Надо было убрать ещё немного земли, но девочке всё-таки удалось протиснуться, проползти под камнем и вылезти в пространство, в которое... – о чудо! – проникал свет. Он падал на девочку сверху, и ей пришлось жмуриться, так он был ослепителен и бел.

– Я вижу свет, – произнесла она.

Ей бы надо было поблагодарить голос, но у неё не хватило сообразительности. На тот момент она ни о чём больше не хотела думать, кроме как добраться до выхода на поверхность.

– Я рад, что вы близки к тому, к чему стремились. Я ещё раз упомяну, что я не желаю навязывать вам своё мнение, тем не менее повторяю, что для вас будет лучше, если вы останетесь под землёй, вам там будет значительно безопаснее, чем на поверхности. Вам просто нужно дождаться своего пробуждения там, под грунтом. И всё.

– Дождаться пробуждения? Я не понимаю. Я что, сплю?

– Думаю... Да, вы спите. Скорее всего, это вам снится. И если бы вы остались там, ниже нулевого уровня, вы бы просто проснулись и, скорее всего, даже не смогли бы вспомнить то, что с вами произошло во сне. Ну разве что удивлялись бы тем ранам, что обнаружили бы на себе с утра.

– Я ничего не понимаю...

– Признаться, я тоже мало что понимаю в этом, кроме того, что это сон, умерев в котором, вы умрёте и там... В своём естественном пространстве. Это я знаю наверняка.

Сон! Тем более она не будет тут сидеть. Тут её просто заедят кусаки, их здесь было очень много, очень. Перед ней был подъём, что вёл наверх, к свету, и когда её глаза привыкли, она увидела, как земля на этом подъёме шевелится и иногда в лучах падающего света поблёскивают твёрдые панцири этих мерзких существ. Да и Бог с ними, девочка стала карабкаться вверх, уже не обращая внимания на тварей. Она тут больше не останется, нет, нет и нет!

Ей нужен был свет, сейчас он был просто физически необходим. Почти так же, как и голос. И чтобы услышать его приятное спокойствие, она спрашивала:

– А что мне там может угрожать?

– На поверхности вам может угрожать всё, – коротко ответил голос.

– Всё? – удивлялась она, карабкаясь по влажному грунту вперемешку с кусаками, которые то и дело пытались вцепиться в её тело.

– Да, вы лакомый кусок для всего, что тут обитает, вы для всего сущего будете являться самой жизнью. Продолжением её. Каждый кусочек ваших тканей будет для здешних обитателей каплей, что удлинит их существование.

Светлана уже почти добралась до верха.

– А когда я проснусь... Если меня тут... Если я тут не погибну, я проснусь у себя дома? Живая и здоровая?

– Да, вы проснётесь в том виде, в каком вы будете тут; если вас убьют, вы не проснётесь...

– А не могли бы вы сказать, кто может меня убить? Кого мне бояться больше?

– Все... Все существа, что тут обитают, представляют для вас опасность, не уходите с этого места, оно относительно безопасно, прячьтесь от медуз, старайтесь не шевелиться без надобности, опасайтесь даже жаб, они очень ядовиты. Не производите шума и старайтесь не распространять свой запах, здешние существа реагируют на запахи, тепло и на движения. Если вы дождётесь своего пробуждения, то, скорее всего, вы и не вспомните, что были тут. А если не вспомните и ничто вам не напомнит о пребывании тут, то больше вы сюда, скорее всего, и не попадёте. Желаю вам удачи.

– Подождите, подождите, – просила девочка.

Она карабкалась вверх, к свету, упираясь ногами в рыхлый грунт, и уже почти вылезла на поверхность, осталась лишь пара метров, ей очень хотелось, чтобы голос побыл ещё хоть немного. Ещё хоть чуть-чуть. Но голос сказал, как ей показалось, с сожалением:

– Нет, боюсь, что это невозможно, дальнейшее моё пребывание с вами может обернуться для меня гибелью. Я уже и так здесь задержался.

И всё. Ни хлопка, ни прощания. Голоса она больше не

слышала.

Глава 3

Девочка торопилась и наконец вылезла из-под земли, из-под камня, она отряхивала руки и колени от прилипшего грунта, щурилась, оглядывалась по сторонам. И почти ничего не видела. Всё вокруг заливал тяжёлый и плотный туман. Кажется, пока ей ничего не угрожало, она так и стояла у большого камня, который на поверку оказался большим куском кирпичной стены, с облупившейся штукатуркой. Руки болели, от ладоней и до локтей они были исколоты, изрезаны, грязны. Впрочем, как и ноги. А её бельё выглядело ужасно, оно и так не было новым, а тут и вовсе... Растянувшаяся, сырая, ветхая и грязная рванина... Хоть выбрасывай. А ещё болело под ногтями. Всё-таки немало земли ей пришлось выгрести и переместить. Но с этой болью можно было мириться. Девочка стала приходить в себя.

Теперь, когда ужас пребывания под землёй уже отступил, она почувствовала себя лучше. Можно сказать, что девочка почти не устала, в общем она была достаточно сильной и выносливой для своего возраста и пола. Светлана с шестого класса, то есть уже более четырёх лет, занималась спортом. Девочка уже фактически выполнила норматив на звание кандидата в мастера спорта. Тренировалась она теперь редко, но на десяти тысячах метров она всё ещё легко выбегала из тридцати шести минут. Просто не успела показать

этот результат на соревнованиях для официального получения звания. В общем, сил у неё ещё было предостаточно. Она стала смотреть по сторонам.

И почти ничего не могла рассмотреть. Всё тот же густой туман, и был он таким плотным, что уже через пять или семь шагов ничего не было видно. Кирпичные обломки, сырая, серая земля и сплошной туман. Ну, еще справа от неё какое-то растение, почти без листвы, не то низкое дерево, не то куст с мощным стволом. И больше ничего. Разве что невысокое, прямое, вывороченное с корнями ещё одно деревце валялось рядом с той щелью, из которой она вылезла. Да, а голос-то был прав, когда отговаривал её вылезать на поверхность. Место это девочке вообще не казалось приветливым. Этот туман был серым, серым и густым, с явным оттенком нездоровой желтизны, этот рыхлый, почти осязаемый туман, кажется, придавал воздуху неприятный, но знакомый привкус. Она не могла распознать его. Но он точно ей не нравился. А ещё тут были звуки. Глухие, как через вату доносились до неё, нехорошие, резкие. Сначала птичий заливистый клёкот. Но неестественно низкий и какой-то озлобленный. И как эхом, ему вторили щелчки, даже через этот туман казавшиеся чёткими. И тут же визг, высокий, короткий, захлёбывающийся... А потом снова клёкот и уханье... Всё это прозвучало быстро, закончилось за пять секунд. Звуки показались девочке весьма красноречивыми, очень неприятными.

Теперь уже и обломки кирпичной стены, что были для неё

ненавистным камнем под землёй, вдруг стали походить на убежище, к которому захотелось прислониться. А может, и вновь забраться под него, чтобы укрыться от тех, кто издавал такие звуки.

И лишь наличие десятков колючих и свирепых кусак, там, внизу, в щели под камнем, отталкивало её от мысли вернуться в сырое убежище. Она пока лишь присела возле камня на корточки. Стала прислушиваться дальше. Голос рекомендовал ей скрываться, меньше двигаться и не источать запахов. Да, судя по тем звукам, что доносились до ушей Светланы, нужно было придерживаться его рекомендаций.

Это хорошо, что там, во тьме, она не могла разглядеть кусак. Она бы там перепугалась ещё больше. Чёрная и блестящая тварь в указательный палец длиной ползла по стене. Кonus живота из сегментов, как у большого таракана. Мощные щипцы жвал, сама гадина вся даже на вид прочная. И длинные, суставчатые, крепкие лапы-крючки. Никаких шипов, никаких усов. Наверное, Света исколола руки об их мерзкие и жесткие ноги. И вот что её ещё удивило...

Не то чтобы она очень хорошо училась. После того как у неё стало получаться с бегом, с учёбой у неё начались проблемы, но даже имея тройку по биологии, она помнила, что у всяких мелких тварей бывает либо шесть ног, либо восемь. У кусаки, что ползла по кирпичам, ног было всего четыре. Страшила непонятная. У девочки холодок пробежал меж лопаток, её даже передёрнуло, когда она представила, что вот

такие же гадости ползали по ней и пытались своими страшными, острыми кусачками прогрызть ей кожу. И опять лезть под камень, в щель, к этим колючим мерзостям, Светлана совсем не хотела.

Никто ей этого не советовал, как-то само всё получилось, она, чуть наклонившись, подтянула к себе деревце и стала обламывать с него ветки. Древесина была сырой, влажной, ветки не ломались, их приходилось откручивать, обрывая гибкую кору. Но девочка не сдавалась и даже ускоряла процесс по мере того, как слышала новые неприятные звуки. Услышав новое ужасное уханье, похожее на насмешку, девочка замирала, боясь произвести хоть какой-нибудь шум. Тем не менее, ей удалось через некоторое время добраться и до корней деревца. Как это ни странно, но от корней она избавилась быстрее, чем от веток. У неё вышел крепкий, сучковатый полутораметровый стек, хлыст, посох в пять сантиметров в основании и два сантиметра на конце. Гибкий, увесистый и достаточно прямой. Пока Светлана занималось палкой и поглядывала по сторонам, оборачиваясь на каждый неприятный звук, стало заметно теплее. Даже через плотный, как старая вата, туман, в небе забелело солнце. А с солнцем появился и ветерок. Сначала он был лёгкий, едва пробивался через серые клубы, но когда её палка была готова, девочка с ужасом стала замечать, что ветерок всё увереннее закручивает туман в лёгкие вихри, закручивает и уносит, словно выдувая туман отовсюду.

– Ой нет, – тихо сказала девочка, вдруг поняв, что видит уже значительно дальше вокруг себя, чем несколько минут назад. Воздух стал прозрачнее. Это было очевидно, а значит... значит, и её могли увидеть... Те, кто только что кричал в тумане. Снова Света подумала о том, что для неё и вправду будет безопаснее под камнем. А кусаки... ну, придётся с ними что-то делать. Ничего, она потерпит, какие-то мерзкие тараканы вряд ли её съедят. Конечно, ей очень не хотелось туда лезть... Она перевела взгляд на ту щель, откуда вылезла, и... тут же переменила своё решение. Она действительно не очень хорошо знала биологию, так как не смогла определить то существо, что выползло из-под камня, оттуда же, откуда выползла и Светлана. Это был огромный червяк насыщенного цвета варёной сгущёнки. Он был толщиной с её руку, да нет же, он был ещё жирнее, и конца его не было видно, ведь конец его ещё не выполз наружу. По бокам существа, вдоль тела, шевелились тысячи, как казалось девочке, жёлтых крючкообразных ножек, с острыми, как иглы, окончаниями, а на голове красовались настоящие клещи, острые и страшные. Червяк приподнял свою переднюю часть и развернул клещи к Светлане. Глаз его она не видела, но девочка была уверена, что тварь смотрит именно на неё. Смотрит и оценивает. А пока эта тварь смотрела на девочку, вдоль приподнятой части её тела шевелились, как бахрома, её отвратительные ноги, шевелились плавно, волнообразно, красиво, чуть завораживающе. Светлана даже засмотрелась на

эту бесконечную волну, но опомнилась и... Вообще-то надо было убегать, не смог бы этот червяк её догнать, это было невозможно, но голос сказал, что у этого камня не так опасно, и голосу девочка доверяла. А значит... Света чуть привстала и подняла палку над головой, держа её за толстый конец двумя руками:

– Даже не думай ко мне лезть... Не лезь ко мне... Стой!

Она сказала это очень тихо, и червяк её, кажется, не слышал. Он с неожиданным проворством метнулся к ней, болтаясь из стороны в сторону зигзагом, словно ещё раздумывая, откуда на девочку напасть. А она вскрикнула:

– Стой! А-а...

И с силой опустила палку. Никто не учил её использовать подобное оружие, никогда в жизни она этого не делала, она же не мальчишка. Светлана так, для интереса, на тренировках пробовала себя в метании диска, в метании ядра, и копья, и молота. Девочки из силовых видов даже чуть-чуть учили её, но это был всего-навсего детский интерес. Поэтому никакого опыта работы с палкой у неё не было. Палка от удара спружинила и выскользнула из пальцев. Слава Богу, перед тем как выскользнуть, оружие звонко чавкнуло по юркой твари. Прямо по передней её части. Червяк едва не завязался в узел, обнажив противное брюхо, он быстро скрутился в пружину, тут же разжался и со всем своим проворством кинулся в щель под камень. Девочка, боясь, что это чудовище может вернуться и снова кинуться к ней, присела и, не

отрывая глаз от черного лаза под камнем, стараясь держаться от него как можно дальше, дотянулась до палки и притянула её к себе. С палкой ей было спокойнее... Да уж, кажется, голос тут ошибся, там, под землёй, Света, наверное, умерла бы от ужаса, доведись ей в полной темноте встретиться с этим червяком. Теперь уже никакой речи о том, чтобы спрятаться под камнем, не могло и быть. Никогда! Ни за что! Табу! И лучше уйти отсюда, вдруг червяк вернётся, или какой-нибудь его родственник вылезет. Надо было, конечно, уходить. Куда? Девочка подняла глаза и... Тумана больше не было, следа от него не осталось, и над головой её было бездонное небо, такое синее, что, кажется, такого она не видела даже в Турции, где была с родителями пару лет назад. И солнце было в том небе ослепительно белое, жаркое, совсем не северное, не петербургское. Но не солнце и не небо поразили Светлану, её удивило и испугало другое завораживающее зрелище. Она видела, как в синем небе летали, вернее, парили удивительные создания. Сначала она подумала, что это воздушные шары, в Петербурге в прошлом году как раз был фестиваль воздухоплавания, тогда более десятка шаров одновременно поднялись в небо. Вот и это зрелище немного напоминало тот фестиваль. Ей так показалось поначалу. Но тут же она поняла, что это не шары, совсем не шары.

В небе мимо девочки, далеко от неё, метрах в ста, проплывала... медуза. Настоящая, совсем как на картинках, что Света как-то видела в интернете. Огромная, как воздушный

шар, только плоская, розово-фиолетово-лиловая, с красивой бахромой по периметру своего огромного тела, с длинными лиловыми жгутами-щупальцами, свисавшими почти до земли, она проплывала, гонимая ветерком, казалась почти невестомой и, при всей своей величине, лёгкой и воздушной. Медуза была очень красива. А за ней плыла ещё одна, и ещё. Всего Светлана насчитала в небе шесть этих завораживающе красивых и величественных созданий. Они медленно улетали от неё вдаль. И слава Богу. Девочка вспомнила, что голос, кажется, упоминал их, когда говорил об опасностях, ожидающих её тут, на поверхности. Он так и советовал ей – «прячьтесь от медуз». Да, они медленно улетали в сторону от неё. Светлана стала осматриваться. Сначала ещё раз щель под камнем, не торчит ли снова голова мерзкого червяка, а уж потом, убедившись, что червяка нет, осмотрела небо, поглядела во все стороны. Нет, медуз больше нигде не было. А те, что были, величественно уплывали вдаль от неё. Огляделась и вдруг поняла, что окружена обломками зданий. некогда крепких зданий с толстыми стенами и большими окнами. В паре сотен метров от неё высился целый каркас мёртвого, пустого дома, от которого, впрочем, осталась лишь пара стен, до второго этажа, проем входа, парадная с бетонной ступенькой, но без дверей, да пустые глазницы окон. О! Поребрик! Непонятно почему Светлана даже обрадовалась. Да, это был бетонный поребрик, почти засыпанный землёй. Значит, тут была проезжая часть, улица, движение, светофоры.

Только теперь девочка поняла, что камень, из-под которого она выбралась, был углом развалившегося дома, с мощными стенами из красного кирпича и толстым слоем штукатурки. У неё не осталось сомнений, что это место когда-то было городом. Городом? Каким? Нет, Петербург это место мало напоминало. В Петербурге нет, и быть не может, такого солнца. Здешнее солнце яркое, жгучее, похожее на южное. Тени тут почти чёрные, очень контрастные, резкие. Нет, это не Петербург. Солнце яркое, в воздухе большая влажность, много зеленой травы и удивительные серо-зелёные лужайки. Скорее даже лужайки были серебряные, с оттенком зелени. Здесь было даже... красиво? Да, места вокруг, может, из-за такого синего неба, может, из-за серебряных лужаек, были красивы, ну, во всяком случае, необычны.

Светлана не могла оторвать взгляда от этой красочной местности, что располагалась вокруг. Каменные руины, холмы, покрытые зеленью, серебряные лужайки, всё это залито ярким, белым солнечным светом, и очень мало вокруг деревьев и кустарника. Да, несомненно, это был сон. Нигде больше, даже в южных странах, где она бывала с родителями на отдыхе, девочка не видела ничего более яркого и насыщенного светом. Ей тут становилось жарко. Она даже забыла о червяке под камнем, так увлекли её виды вокруг. Может, поэтому Света вздрогнула, когда большая птица, громко хлопая крыльями, сорвалась с места, которое было совсем недалеко от Светланы, и понеслась прочь, зло и обиженно крича.

И не успел испуг девочки улечься, как опять же рядом, может быть, сразу за камнем, раздался гортанный клёкот, который она уже слышала. И на сей раз клёкот, как её показалось, имел оттенки раздражения. Она резко повернулась на звук и обомлела: на камне, на её камне, выше девочки и в пяти-шести метрах от неё, сидел на корточках голый старый мужчина. Именно он, запрокинув голову, странно и неприятно дёргал горлом, заросшим седой, почти белой щетиной, и издавал эти резкие, неприятные звуки. Он казался тощим, но узловатые суставы, широкие плечи и крепкий костяк говорили о том, что старик, скорее всего, ещё весьма силен. Он сидел на самом высоком выступе камня на корточках, и его мошонка касалась камня. Светлана так растерялась от крика и от его внезапного появления, что не успела скрыться, убежать. Она замерла в оцепенении. А старик, закончив орать, опустил голову и уставился на девочку. Уставился. Но... в глазах его не было зрачков. Да, не было. Лишь жёлтые бельма. Света, как парализованная, стояла и не могла пошевелиться, не могла убежать, может, думала, что он её такими глазами не видит? А ведь если бы она побежала, он бы её точно не догнал, но она лишь сжала свою нелепую палку так, что костяшки пальцев побелели. Ей очень хотелось закричать или снова позвать маму. И лишь парализующий страх не позволял ей этого сделать. А это существо не торопилось к ней двигаться. Оно разинуло рот, челюсти большие, разеваются широко, а в пасти мощные жёлтые зубы. Кажется, этот мерз-

кий дедок не видел Свету. Смотрел на неё в упор и не видел. Только дышал часто своим страшным ртом. А потом он рот закрыл. И на том месте, где у людей нос, девочка увидела треугольное отверстие. Светлана даже разглядела внутри отверстия пазухи, они были лиловые, насыщенные кровью. А старик стал делать через эту дыру резкие вздохи. Один, другой, третий... Втянет воздух – чуть повернёт голову, ещё втянет воздух – ещё повернёт. Ищет источник запаха. А потом ещё и развернёт в её сторону своё ухо, заросшее серой шерстью, сначала нюхает, потом ещё и слушает. Слепой явно подозревал, что тут рядом есть кто-то. А Светлана всё так же заворожено смотрела на него, боясь пошевелиться.

Этот... Это существо, так ничего и не расслышав, снова начинает нюхать и после спускается чуть ниже с камня, всего на полметра, но ещё ближе к девочке и снова начинает принюхиваться.

«Старайтесь не распространять свой запах», – вспоминает девочка наставления голоса. Ага, и как же это сделать? Голос ей этого не сказал. Солнце жарит так, что недавно ещё влажные трусы и майка на Светлане уже совсем высохли, испарина покрывает ей и спину, и лицо, а уж про подмышки с промежностями и говорить нечего. Старик чувствует запах девочки, он начинает спускаться с камня, он точно выбрал направление. Слепой очень ловок, движения его вовсе не старческие, на самом деле он силен, он крупнее девочки раза в два, его слепые, жёлтые глаза смотрят на неё. Не видят, но

смотрят. Он знает, что она тут. Девочка поднимает палку над головой, но палка... Да ничего она ему не сделает, ни одну его мощную кость такой палкой не сломать... Бежать! Или ударить? Или ударить и бежать...

У неё в жизни никогда не было подобных моментов, были другие страшные, но таких никогда. Ужас вперемешку с напряжением буквально парализует девочку, а до мерзкого старика пять метров... Вот он уже рядом, его крепкие, костистые, заросшие серыми волосами плечи. Три, два метра... Фу... Мерзкий треугольник носа, пустая чёрная дыра в обрамлении седой щетины – от одного вида тошнит...

«Мама, Господи! Какие страшные у него ногти! Ими кожу можно содрать!»

Ей нужно было взять себя в руки, надо было бить его... Или бежать. Она сжала палку, замахнулась, закричала и...

Глава 4

– Света-а... Света-а-а... Мы проспали, вставай, мы проспали, – её трясут за плечо, и она знает, кто это, – Света-а... Мы на завтрак опоздаем!

Это Колька, один из её братьев-близнецов. Но его слова ещё не дошли до неё, она их слышит, но не в состоянии реагировать.

– Ещё говори ей, – слышит она голосок второго брата, Макса, – буди её, скажи, что она в школу опоздает.

Макс всегда руководит Колькой, Максимка тихий, Коля понаглее.

– Света-а-а..., – Колька трясёт её изо всех сил.

– Я не сплю..., – она поворачивается к ним. Сознание возвращается к ней, но девочке нужно ещё немного времени, чтобы прийти в себя. У неё каждое утро так. Она всегда встаёт с трудом. Ей всегда хочется поваляться под тёплым одеялом.

– Ой, Света... У тебя бровь! – кричит Коля и лезет пальцем к её лицу.

– Ты ударилась? – негромко спрашивает Максим.

Светлана перехватывает руку брата у своего лица.

– Света-а-а... А что у тебя с рукой? – снова удивляется Коля. – Она вся исцарапана.

– У нас, у Даши Пивоваровой из нашей группы, так же все

руки исцарапаны, у неё кот злой, – замечает Макс.

Света смотрит на левую руку, она вся в порезах и чуть вспухших проколах: кусаки, сволочи.

– Что это, Света? – спрашивает Максим. – Где ты изрезала руку?

И Коле интересно, что произошло с её рукой, они стоят возле её кровати и смотрят на неё внимательно.

– Идите умываться, – говорит она. Ей не хочется вставать при них. – Надо спешить.

– Мы уже умылись! – кричит Колька. – Давно. Когда будильник прозвенел ещё.

– И зубы уже почистили. Давно. – добавляет Макс.

– Одевайтесь тогда, быстрее, – строго говорит Светлана и выходит из-под одеяла.

Мальчишки отворачиваются, а она, пока они не видят её трусов и майки, выскакивает из комнаты и бежит в ванную, на ходу прихватив из кладовки чистую пару белья. Там, у зеркала, девочка замирает: левая бровь... на ней запеклась кровь. Теперь она ещё рассмотрела и руки. Их точно кошка подрала. Все в порезах от ладоней до локтей. Она начинает мыть их, стараясь вымыть грязь из-под ногтей. И опять смотрит на себя в зеркало. На правой стороне лба тёмное пятно. Попыталась его смыть – больно. Это не пятно, это синяк. Ноги тоже все в порезах и ссадинах, особенно колени. Она лезет в ванную, гибким надломанным душем быстро смывает с себя, что может, не вытираясь снова к зеркалу, чистит зубы.

Сразу вытирается, натягивает треники и олимпийку. Самое удивительное, что за всё время утренних процедур девочка так и не смогла толком вспомнить, что ей снилось. Подземелье, жуки, старики с противными мошонками. Расплывающиеся образы, неясные тени, кажется, голос какой-то. Порезы и ссадины на теле, грязное бельё на полу возле ванны, об этом она не раздумывала, ни времени, ни желания у неё не было. А если честно, ей не хотелось всё это вспоминать. Уж очень в том сне всё было неприятно и... Натурально.

Света вышла из ванной, сушиться не стала, на улице ещё не холодно, быстро прошла в прихожую, во-первых, торопилась, а во-вторых, не хотела встречаться с сиделкой мамы. Мальчишки уже обувались в прихожей, они молодцы, самостоятельные, мальчишкам только шестой год, но они почти всё могут делать сами.

Им только нужно напоминать.

Она быстро надела свои старенькие беговые кроссовки «найк», они самые не рваные из всей её обуви, проверила ключи от двери – в кармане. Отворила дверь:

– Выходите.

Колька играет с обувной ложкой, представляя её мечом или саблей.

– Коля, не балуйся, выходи давай.

Девочка отбирает у него ложку, вешает её на вешалку и выталкивает братьев за дверь.

– Пошли быстрее, а то опоздаете на завтрак.

Но она не успевает выйти.

– Света!

Это Иванова – одна из маминых сиделок. Она стоит в коридоре, как всегда, недовольная.

– Доброе утро, Ольга Александровна, – говорит Светлана.

– Ты там не задерживайся нигде, мне нужно уйти вовремя, – сухо говорит сиделка и скрывается в маминой комнате, даже не дождавшись ответа девочки.

Света выходит на улицу немного раздражённая. Иванова грубая, всегда недовольная, девочке иногда хочется сказать ей что-нибудь в таком же тоне, но этого делать нельзя. Папа просил не ссориться с ней. Она может уйти в любую минуту, а другую сиделку с опытом за двести двадцать рублей в час в Петербурге сейчас просто не найти. Он и так едва уговорил её поработать за эту цену до ноября. До ноября. То есть полтора месяца, а там придётся либо платить ей больше, либо искать новую.

Светлана догнала мальчишек, они уже свернули в арку, братья сами знали, куда идти. Семьдесят пятый детсад был совсем недалеко, лишь пройти по диагонали большую детскую площадку, и за ней был такой же дом, как тот, в котором жила Света. Можно было бы отпускать братьев и самих ходить в садик, но папа просил провожать их. Света была не против. Ей было не в тягость.

– Света-а..., – начал Колька, и она уже знала, о чём пойдёт речь. Она иногда их забирала раньше, но это лишь тогда,

когда дома был ужин.

– Нет, – сразу ответила девочка. – До ужина я вас забирать не буду.

Братья, как и все дети, не любили свой садик, они ещё немного поканючили, но, видя, что у старшей сестры сейчас не то настроение, смирились. Дальше шли, уже общаясь между собой. В садике многих мам Света уже знала, здоровалась с ними. У Макса на рубашке манжеты совсем обтрепались, да и рубашка сама ему мала. У Коли дела с одеждой обстояли не лучше. Кажется, одна из мамаш обратила на рукава Максима внимание, когда тот обрывал с них нитки, Света перехватила её взгляд, и та отвела глаза. Девочка и сама всё знала. Дома вокруг Парка Победы всё сталинские, престижные, бедных тут нет, Колька и Макс в группе одеты хуже всех. Это сразу бросалось в глаза. Мальчишки меж тем переоделись и убежали в группу, с ней не попрощавшись. Света убрала их одежду в шкафчики, аккуратно всё сложив, спрятала туда же их уличную обувь и ушла. У неё ещё были дела. Прежде чем вернуться домой, ей нужно было забежать в магазин, купить еды на завтрак себе и папе, он должен был скоро прийти со смены.

Иванова её уже ждала. Уже собралась. Стояла всё с той же недовольной миной на лице и рассказывала:

– Судороги были, рвотных спазмов нет, давление под утро ушло за сто шестьдесят, я сбила. Переворачивала её два часа назад, ещё часа полтора так может полежать, приёмники

я опорожнила, помыла. Полость рта обработала, нос тоже. Промежности и подмышки обработала, но завтра её нужно будет мыть полностью.

– Мы с папой сегодня помоем, – отвечает Света. – У него сегодня свободный день.

Иванова подходит к прикроватной тумбочке, на которой лежат все мамины лекарства, стучит пальцем по большой упаковке с ампулами:

– Три ампулы осталось.

Светлана кивает, лекарство дорогое, двенадцать ампул – две тысячи шестьсот рублей. А упаковки не хватает и на месяц. Вообще-то все лекарства для мамы они получают бесплатно, по федеральной программе, но лекарства расходуются быстрее, чем положено, их приходится докупать за свои. На это уходит много денег. Почти столько же, сколько и на сиделок. Они с папой уже не раз садились считать деньги, ища способ сэкономить хоть чуть-чуть, но им уже не на чем экономить. Двух пенсий, маминой и папиной, и того, что папа зарабатывает, работая на двух работах, не хватает. Когда маму перевозили из больницы, пришлось взять кредит, чтобы купить для мамы медицинскую кровать. Кровать купили через объявление, хорошую и недорогую, а вот матрас от пролежней пришлось покупать новый, дорогой, швейцарский, а ко всему этому ещё пришлось купить аппаратуру контроля за состоянием больного. Целая стойка приборов, которые всё время урчали и тратили море электриче-

ства. Покупали их тоже с рук, все они уже были в употреблении, аппаратура была китайская. Папа сразу понял, что она не очень хорошая. Называл её китайским барахлом. Эти приборчики папиным словам соответствовали. Барахлили. К ним часто приходилось вызывать мастера. Но сейчас всё работало, пульс, дыхание, давление, температура мамы была в норме, ну, если температуру в тридцать шесть и один, а пульс в пятьдесят восемь можно считать нормой. Ольга Александровна на приборы сегодня не жаловалась. Она и девочка стояли возле кровати.

Ивановой Светлана годится во внучки, эта крепкая и недобрая женщина считала, что папа пользуется своим тяжёлым положением, её добротой, чтобы недоплачивать ей. Она обещала уйти и дала папе время найти другую сиделку.

Её губы либо вытянуты в нитку, либо уголки их опущены вниз. Всякий раз, как только это возможно, она демонстрирует Светлане своё неудовольствие. И всё время считает дни, когда истечёт их с папой договор. Сейчас же она, больше не сказав девочке ни слова, не попрощавшись, поворачивается и выходит из комнаты. В прихожей хлопает дверь. Ушла. Светлана подходит к кровати матери.

Мама всё ещё красива, только кожа чуть жёлтая. Но Света к этому привыкла, привыкла и к тому, что мама похудела, к тому, что кожа у неё всегда прохладная. Первые разы, когда с головы мамы сняли повязки, Света была в ужасе от того, что видела. Девочка не могла смотреть на левую часть голо-

вы матери, ту часть за виском и над ухом, что была смята и где кожа была вся стянута грубыми толстыми нитками и вымазана какой-то мазью. Но теперь там снова отросли волосы, росли они клоками, были редкими, но если не приглядываться, то вмятина на голове уже не бросалась в глаза. Светлана заметила, как у мамы под веками движутся зрачки. Нет, Свете это не показалось. Она была уверена, что видит это. А ещё она здоровалась с мамой. Брала её правую руку, сжимала её и говорила:

– Мама, это я.

Мама всегда узнавала свою дочь, и едва-едва заметно отвечала рукопожатием. Вот как и сейчас. Ни папа, ни кто другой мамино рукопожатия не чувствовали и смотрели на Светлану, как на выдумщицу, но Света точно знала, что мама ей отвечала, просто мама отвечала только ей.

О! Снова зрачки под веками дёрнулись. Врач говорил, что это хороший признак. Светлана очень злилась на братьев. Тумаками и подзатыльниками загоняла их в мамину комнату, чтобы они хоть иногда навещали её. Она не могла понять, почему мальчишки почти никогда сами не заходят туда, не говорят с мамой, не прикасаются к ней. Папа объяснял ей, что они почти её не помнят, уже второй год пошёл, как это произошло. Им тогда было чуть больше четырёх лет. Но это объяснение девочку не удовлетворяло, она гнала мальчишек к маме, пусть хотя бы поздороваются с ней. И не дай им Бог не послушаться её. Света, конечно, их любила, но могла быть

и строгой. Братья это знали.

Глава 5

Папа пришёл, она слышит, как открывается дверь, слышит, как он садится на табурет в прихожей, ставит к стене костыли, разувается.

Он работает в охране крупного сетевого супермаркета, работает сутки через двое. После ДТП папу взял туда его товарищ, Лёня Карповский, они служили в одном батальоне. Пришли в батальон вместе из училища взводными, дослужились оба до должности ротных и почти одновременно ушли. Теперь Карповский взял однополчанина в охрану, и папа был ему очень благодарен, на «кассах» он не стоял, он бы не смог, у него были сильно повреждены обе ноги. Папа «сидел на мониторах», следил за тем, что творится в торговых залах. С этим он справлялся. Он был внимательным и ответственным человеком, и поэтому, а может, и потому, что был товарищем Карповского, он был назначен начальником смены. Там папа получал тридцать шесть тысяч рублей за десять дежурств.

Девочка выходит из комнаты встретить отца, он уже разулся, берёт костыли, встаёт:

– Привет, ну как вы тут? – он обнимает Свету, не выпуская костыли из рук, прижимает её к своей колючей щеке.

– Нормально, па..., – отвечает девочка. – Приборы ночью не барахлили, с мамой всё стабильно, мальчишки в садике, Иванова кислая... Всё как всегда, па...

Папа садится в кресло рядом с маминой кроватью, тут же прислоняет к стене свои костыли, Светлана идёт на кухню за водой. У них уже ритуал. Папа всегда, приходя со смены, пьёт свои таблетки, сидя у маминой кровати. Света всегда приносит ему воду. Отец берёт стакан и одну за другой выпивает две таблетки.

– Ты есть не хочешь? – спрашивает девочка. – Я купила сосиски и яйца и доширак.

Она спросила на всякий случай, папа почти всегда приходил с работы сытый, иногда даже приносил просрочку – колбасу или какие-нибудь обалденно вкусные творожки или йогурты, которые она никогда бы не стала покупать из-за их дороговизны. Папа смотрит на неё, чуть удивляется:

– Света, а что у тебя с бровью?

– Ничего..., – Светлана машет головой, не говорить же отцу, что это она во сне ударилась, тем более, она сама этого не помнит. – Ерунда, так ты есть будешь? Яичницу?

– Спасибо, дочка, не буду. На работе девки накормили.

«Девки!». Девками он зовёт взрослых тёток, продавщиц, что работают в магазине. Отец не догадывается, но Светлане очень не нравится, что какие-то «девки» его там подкармливают. Она не понимает зачем взрослые, даже старые, на её взгляд, женщины делятся обедами или просрочкой с её отцом.

– У тебя деньги ещё остались? – спрашивает он, отрывая девочку от неприятных мыслей.

– Тысяча двести шестьдесят семь рублей, – сразу отвечает она. Света последнее время в любой час дня и ночи может точно сказать, сколько у неё денег. Выходя час назад из магазина, она их пересчитала.

– Слушай, Светик, а сможем мы дотянуть до понедельника на твои тысяча двести шестьдесят семь рублей? – спрашивает отец. – У меня в понедельник пенсия.

Света о ней помнит. Они называют её «армейкой». Это хорошая армейская пенсия, двадцать восемь тысяч триста шестьдесят рублей.

– Протянем? Так, чтобы ни у кого не занимать, – продолжает папа.

Света молча подходит к тумбочке с лекарствами, берёт большую коробку, открывает её и показывает папе. Там всего три ампулы. Может так быть, что это лекарство вообще маме не понадобится несколько дней, а может так случиться, что будет нужно ежедневно.

Оно необходимо при падении ЧСС и падении температуры тела.

Следующую бесплатную коробку они получают только в начале октября. Папа всё понимает, он молча лезет в карман за сигаретами.

Нет, он тут, конечно, не закурит, просто будет держать сигарету в пальцах. И думать, где бы занять до получки денег. Но вариантов у него немного. Будет просить у Карповского. Опять до пенсии. В сотый, наверное, раз.

– Ладно, Света, иди в школу.

Света уже опоздала на первый урок, ей не очень хочется идти туда.

– Может, я посижу с мамой, а ты поспишь? – говорит она. С мамой нужно быть всё время рядом, только за лето у неё два раза западал язык, что останавливало дыхание, и ещё два раза падало давление до пятидесяти. Девочка знает, что нужно делать в таких случаях.

– Не надо, я на работе подремал, – отвечает папа.

– Па, у нас половина не ходит, мелким так вообще разрешили не учиться, – говорит Светлана. – Эпидемия же.

– Иди, иди, – настаивает отец. – Не нужно прогуливать.

Он упрямый человек, очень хочет, чтобы она училась, видит же, как обстоят дела, и всё равно гонит её в школу, а ещё две недели назад говорил с ней о поступлении в Лесгафта. Это глупо, девочка об этом, конечно, только мечтать может, в этом году она ни разу не делала уроков. Да и в прошлом почти не делала, скатилась уже ближе к двойкам. Она подумывает о том, что как только ей исполнится шестнадцать, а это уже через два месяца, ей придётся искать работу... Какая тут школа.

– Ладно, папа, – говорит Светлана, идёт в свою комнату и поднимает с пола у кровати почти невесомый рюкзак. Учебников там нет, там всего две тетради да пенал со старыми изгрызенными ручками. Заглядывает в комнату. – Я пошла.

– Иди, – делает рукой знак, который делал ещё до беды,

когда хотел её подбодрить на соревнованиях. В те далёкие и счастливые времена, когда она ещё на них выступала.

Пахом. Он вымахал до метра восьмидесяти семи. Он самый высокий в их классе. Света тоже сама по себе не маленькая, но Пахом выше неё почти на голову. Нога у него каких-то нечеловеческих размеров, любящая его мамаша покупает ему дорогие кроссовки размера, наверное, сорок шестого. Этого лося его мамочка зовёт Владик. Владик! А этот Владик, как говорят в школе, конченный... Он и в школе ведёт себя как урод, и во дворе. Он всегда был выше и сильнее других, кулаки распускал – не стеснялся. А теперь в школе его даже ребята из одиннадцатых классов побаиваются. Света не заметила его, он жил в соседнем доме, парадная прямо напротив детской площадки, через которую девочка шла к улице Фрунзе. Пахом стоял с двумя мальчиками помладше. Как она могла его не заметить?!

«Урод, тоже не пошёл на первый урок!».

И, конечно же, он её видит, ну а как иначе? Молодой человек сразу кричит довольно грубо:

– Э, Фома... Здарова! – это он ей. И тут же поясняет двум своим приятелям: – Эта стрёмная со мной в одном классе учится.

Мальчики смотрят на неё, ухмыляются, знают, что Пахом этим не ограничится, ждут продолжения. Света тоже это знает, даже не поворачивает головы, она быстро проходит мимо,

хотя понимает, что одной фразой их общение не закончится.

– Фома, а ты чё лифчик одела, а сиськи чё, забыла одеть?
– орёт Пахомов на всю улицу.

Он сам и два пацана, что стоят с ним, смеются. У Пахома все шуточки такие. Урод, он всегда таким был. Светлана ускоряет шаг, она ничего не отвечает, но прекрасно слышит следующее пояснение о себе:

– Пипец она криповая, всё время ходит в трениках, кроссы все рваные. На уроках тупит конкретно. Она спортсменка отбитая.

Зачем он всё это говорит тем двум пацанам? Вот зачем? Они из другой школы, какая им разница, какое им до неё дело. Пахом просто урод. Просто урод!

Свете слышать такое было неприятно. Очень неприятно. Это даже не ей был укор, а её папе. А за папу девочке было очень обидно, ведь этот дурак ничего не знает про их беду. Да, у неё нет сейчас хорошей одежды, но раньше, до беды, когда папа хорошо зарабатывал, у неё всё было, было навалом самой классной одежды, и телефоны самых почти последних моделей у неё были. Папа покупал маме новую модель, а Светке доставался всё ещё дорогой мамин телефон. И она запросто могла им похвастаться. И все девочки в классе с ней дружили. Да и грудь у неё нормальная, ну, не такая, конечно, как у Лизы Марфиной, но есть, и причём правильной формы и симметричная. Девочки из класса это замечали. Света лифчики как раз не носила. Ей они были пока не

нужны. У неё был один хороший для спорта, она его берегла. А из остальных Светлана за последние полгода выросла. К тому же у неё самые длинные ноги в классе. И у неё нет жира. И она самая быстрая девочка в школе. Но этому дебилу разве что-то объяснишь? Нет, не объяснишь, он же Пахомов. Он всегда был придурком. Светлана лишь прибавляет шаг. Но Пахом не отстаёт от неё, орёт на всю детскую площадку:

– Фома... Ты в школу? Фомина, погоди, я с тобой пойду.

Нет, он точно дебил. Света после его тупых шуточек даже видеть его теперь не хочет. Она пошла ещё быстрее.

– Да погоди ты! – орёт он и идёт за ней.

Ей даже оборачиваться не нужно, чтобы понять, что он не отстаёт. И девочка идёт ещё быстрее, едва не переходя на бег.

«Ну, недоумок, догонишь?»

Она уже проскочила мягкое покрытие детской площадки и слышала, как бухают его огромные ноги сорок шестого размера по асфальту. Бежит за ней. Сейчас девочка просто ненавидела этого уроды, она даже близко не хотела быть с ним, тем более идти рядом. Светлана легко переходит на бег.

– Фома... Стой! Ты чё, больная что ли? – орёт Пахом.

Света не останавливается. Она ещё прибавляет шаг, она ещё много может прибавить, если понадобится; девочка чуть оборачивается, Пахомов не отстаёт:

– Фома, ты больная?

Но Света его не слушает, она уже выскочила на улицу

Фрунзе и легко, как на разминке, побежала к Московскому проспекту. К площади Стругацких, на красный свет перебежав светофор. Урод отстал. Когда, пробежав метров двести, девочка повернулась, Пахома нигде не было. Она перешла на быстрый шаг. Ну, хоть так она ему ответила на сегодняшние оскорбления. Впрочем, Света была удивлена, Пахом до сих пор ни разу не предлагал ей идти в школу вместе. Да нет. Скорее всего он хотел отколоть ещё какой-то номер перед теми двумя мальчишками. Вот и кричал ей, а когда она пошла дальше, а не остановилась по его просьбе, это Пахома разозлило, поэтому он и побежал за ней. Но Света быстро о нём забыла, другие мысли, привычные и тяжёлые, сразу завладели ею.

Она думала, что пойдёт после школы в приход и там поест, и так сэкономит продукты, а братья поужинают в садике, папа поест на работе, он сегодня пойдёт в ночь на вторую работу, там можно подкормиться. В общем, ей только нужно будет поужинать и купить пару булок с молоком Кольке и Максусу. И на завтра ещё останутся яйца и сосиски с хлебом. Папа же на обед не съест доширак, десяток яиц и пачку сосисок. В общем, всё хорошо, и сегодня денег больше тратить будет не нужно. Тысяча двести шестьдесят семь рублей переходят на завтрашний день. Можно считать, что ещё один день до папиной пенсии они прожили.

Она остановилась на светофоре на большом перекрёстке Московского проспекта и улицы Фрунзе. Светофор тут дол-

гий, по проспекту катят и катят машины непрерывающимся потоком, а девочка всё думала, как растянуть на шесть дней оставшиеся деньги.

И тут адский топот огромных ног, зверский смех, такой дикий, что все стоящие на светофоре люди стали оборачиваться, и кто-то сильно дёргает Светлану за рюкзак.

– А-а..., – орёт Пахом радостно. – вот ты где! Гы-ы...

Света вжимает голову в плечи, она перепугалась от ора и рывка, а рюкзак слетает с её плеча. Она быстро поворачивается и видит Пахомова. Он держит её рюкзак в руке, смотрит на него чуть удивлённо. Некогда модный и любимый её рюкзачок «Вэнс» порван, у него оторвана одна ляжка. Урод оторвал ляжку её рюкзака, любимого рюкзака, который в модном магазине ей купили папа и мама. Света смотрела на порванную ляжку, и на глазах у нее наворачивались слёзы. А Пахом, этот ублюдочный дебил, кинул ей рюкзак со словами: – Да ты, овца, сама виновата. Тупая...

И побежал через дорогу вместе со всеми людьми, которые, наконец, дождались зелёного сигнала светофора. А Света так и осталась стоять на переходе, держа свой рюкзак и через слёзы разглядывая вырванную из ткани правую ляжку. Большую такую, с «мясом» рваную дыру.

Теперь ей ещё больше не хотелось идти в школу, но папа сказал... вернее просил, и она пошла. Думая, что хорошо было бы взять камень и разбить уродливую и прыщавую харю этому уроду. Ударить с силой, а лучше несколько раз.

Так она и шла, представляя себе в красках эту маленькую казнь. Что ни говори, а ей очень было жалко рюкзак. Очень. Так жалко, что слёзы текли всякий раз, когда она, забыв про эту неприятность, машинально пыталась рукой найти правую лямку, которая была уже скручена и спрятана в рюкзак.

Второго урока не было. Вообще, в школе было мало народа. Мелких не было вовсе, средние классы ходили на усмотрение родителей, старшие... на своё собственное усмотрение. Света вошла в класс, народа... и половина не пришла, зря её папа выпроваживал в школу.

Она поздоровалась:

– Всем привет.

Не так чтобы тихо, но и не так, чтобы всех напугать. Девочки, собравшиеся у стола учителя и о чём-то разговаривающие, не обратили на неё внимания. Пацаны тем более, смеются о своём, только Мурат Сабаев, лениво развалившийся сразу на двух стульях за последней партой, произнёс лениво:

– Привет, Фомина. Зря припёрлась, русского не будет. Тут все уже собираются линять. Может, совсем уроков не будет сегодня.

Классно было бы уйти. Светлана оглядывается:

– А Пахома нет?

– Не-е... Они с Митяем ушли в актовый зал, они там тянок из одиннадцатых классов клеят.

«Клеят». Света чуть улыбнулась. Дурацкое слово. Это слово резануло девочке слух, так никто, кроме Мурата, не

говорит; кажется, никто другой таких слов не знает. Сабаев один из немногих, кто читает книги, он знает много разных слов, смешно издевается над тиктокерами, и у него, как и у Светы, нет инстаграма. Девочка села через парту от него.

– А зачем тебе Пахом? – всё так же лениво интересуется Сабаев. – Хочешь травы купить?

– Нет, не нужна... Он, этот урод, мне рюкзак порвал, – говорит Светлана.

– Только рюкзак? – Сабаев косится на девочку и добавляет многозначительно: – Тебе повезло.

Света не совсем поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала, а Мурат и говорит ей:

– Фомина, давай сбежим, пошли ко мне, у меня мартини есть. Почилим.

Светлана сразу напряглась. А Мурат чуть оживился, смотрит на неё внимательно, глаза у него карие. Хитрые.

– Нет, не пойду, я не пью, – сразу отвечает она твёрдо, как отрубает.

– Да расслабься ты, я просто так предложил, – Сабаев снова разваливается на стульях. – Я забыл, что ты у нас спортивная. Просто так предложил. На «вдруг».

Тут как раз отворяется дверь, и в кабинет входит их классный, Данила Сергеевич. Все замолкают. Ждут.

– Ребята, не расходимся. Третий и четвёртый уроки, физика и алгебра, будут. Готовьтесь.

– Оо-ооо..., – недовольно и разочарованно загудел класс,

вернее, полкласса. Особенно недовольны были девочки.

– Не «о», а готовьтесь, вас будут спрашивать, – говорит классный.

Глава 6

Церковь Рождества святого Иоанна Предтечи проще называлась Чесменской, и находилась она в десяти минутах ходьбы от дома Светланы. Церковь была небольшой, но очень красивой. Она была розовой, и говорят, что её неоднократно посещала императрица Екатерина Вторая по дороге в свою загородную резиденцию. А сейчас она была известна тем, что на маленьком кладбище, что находилось за собором, среди старых елей жили совы. Да, совы жили в городе. Светлана сама их видела по вечерам летом.

Но сейчас девочка шла не в храм, она остановилась у красивого, свежеевыкрашенного здания прихода, что находился на другой стороне улицы, напротив храма. Остановилась и некоторое время оглядывалась по сторонам. Главное, чтобы никто из одноклассников не увидел, что она ходит в церковь. РПЦ – большой, как говорили пацаны из её класса, зашквар. Ей не нужны были насмешки ещё и по этому поводу. Девочке хватало насмешек по поводу драных кроссовок, старого телефона и того, что её считали «спортивной», то есть человеком, который так занимается спортом, что не имеет ни «телеграммов», ни «инстаграмов». В общем, она полминуты смотрела по сторонам, и лишь убедившись, что никого из её знакомых нет, быстро нырнула в распахнутые настежь двери прихода.

Даже тут пахнет церковью, это, наверное, от одежды священников.

Как и положено, Света со всеми здоровается. Даже с незнакомыми людьми. Сейчас день, святые отцы тоже тут, в трапезной. Длинный стол, покрытый клеёнкой с затейливым узором, на столе подносы с нарезанным хлебом, с белым и с чёрным. За столом, кроме священников, несколько прихожан. Одна знакомая Светлане бабка с распухшими ногами и ещё пара старушек. В трапезной вкусно пахнет. Среди священников настоятеля отца Александра нет. Он редко обедает со всеми. Но здесь его заместитель, отец Серафим. Это мамин духовник, он и Свету, и близнецов крестил. Светлану он любит, а она его не очень. Потому что отец Серафим... лох. У него на одежде пятна, Света видела у него в бороде яичную скорлупу и крошки желтка. Когда он её обнимает, он пахнет потом, ещё он носит бейсболку с эмблемой «СКА» вместе с рясой, у него нет машины, отец Серафим ездит на велосипеде, и что самое стрёмное, – это то, что он носит бежевые носки с чёрными сандалиями. Если Светлана видела его на улице, а он её ещё не увидал, она быстренько переходила на другую сторону. Не дай Бог, кто увидит, как он её обнимает при встрече. Увидят одноклассники – всё, школу можно будет бросать.

– Светланка! – Отец Серафим её увидел и махал рукой. – Иди сюда, ко мне, – и, видя, что девочка двинулась к нему, уже говорил кухарке Анне: – Матушка, дай тарелочку для

девы.

Её усаживали рядом с отцом Серафимом, ставили перед ней тарелку, сам Серафим наливал ей рыбный суп с картошкой, с жареной заправкой, с разваренными кусками рыбы. Светлана взяла ложку, кусок белого хлеба и сразу начала есть. Суп был приправлен укропом. Этот привкус что-то тронул в глубине её души, что-то напомнил. Что-то смутное и неопределённое, но лишь на мгновение. Она тут же про всё это забыла. Девочка почти не завтракала, а суп был необыкновенно вкусным, но один из молодых попов сказал ей с усмешкой:

– Душа моя, ты бы хоть перекрестилась перед трапезой.

Света отложила ложку, чтобы перекреститься, она знала, что нужно прочесть молитву перед едой, но отец Серафим, погладив её по голове, сказал:

– Ешь, ешь, я за тебя помолюсь.

Он, конечно, был... лох. И Света его стеснялась, но она прекрасно помнила, что когда возник вопрос о лишении папы родительских прав из-за его инвалидности, папа сказал ей сходить к отцу Серафиму.

Сходить! Да она бежала к отцу Серафиму так, как на соревнованиях не бегала. Прибежала, оторвала его от службы и, рыдая, рассказала ему о том, что приходили злые тётки, которые сказали, что ей и Кольке с Максом будет лучше в приюте. В приюте! Её и братьев собирались отправить в приют. А отец Серафим её успокаивал:

– Тихо ты, тихо, рясу мне не намочи, не плачь, не плачь, я сейчас же пойду к настоятелю, к отцу Александру, и он придумает что-нибудь, не отправят вас в детдом. Не рыдай. Отец Александр всех, кого надо, знает, с кем надо поговорит, не волнуйся.

И вправду, всё разрешилось, папу не лишили родительских прав по недееспособности, и папа благодаря хорошему физиотерапевту стал ходить лучше. Теперь он даже на двух работах работал и выплачивал кредит за медицинское оборудование и возмещение ущерба по решению суда. Девочка не знала наверняка, может, и вправду настоятель храма устроил так, что злобные тётки из Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав больше в их квартире не появлялись. И это хорошо, от этих суровых баб с каменными мордами у Светы мурашки по спине бежали, а близнецы так и вовсе каменели от ужаса.

– Отлично, с супом покончено, – заглядывал ей в тарелку отец Серафим, – давай-ка котлетку из щуки.

– Отец Серафим, я наелась, – отвечала девочка.

– Хорошо, тогда без риса, – говорит священник кухарке.
– Матушка, положи деве одну котлетку.

Но Светлане нравится, как в приходе подают рис, он тут вперемешку с кукурузой. И она просит:

– Матушка, одну ложку риса, пожалуйста.

– Конечно, кушай, доченька, – говорит кухарка, накладывая ей еду.

Ещё её вынудили выпить компот с пряниками, и из прихода девочка вышла чуть живая.

Дома была куча дел, они с папой затеяли стирку, поменяли бельё у мамы и закинули его в стиральную машину. Потом папа прилёг, ему выходить в ночь. Помимо охраны, он ещё работал по ночам в частном предприятии Алиева. Шинковал овощи для салатов. Эти салаты продавались по всему Петербургу. У Алиева работало много инвалидов. Работали всегда в ночь, чтобы к открытию супермаркетов салаты были свежими. Папа не чувствовал себя там каким-то особенным. Там он был как все. Работа была непростой, но давала семье больше двадцати тысяч в месяц.

Отец ушёл в свою комнату и лёг, а Светлана села возле мамы, включила телевизор.

Нафиса. Папа называл её освобождённой женщиной востока. Она была откуда-то с юга. Света не знала точно, откуда, платков Нафиса не носила. Всегда была в юбке выше колена и лосинах. Волосы всегда у неё были чистыми и распущенными. Ей было меньше тридцати лет, и папа говорил, что она в поиске. Её можно было считать привлекательной, но вот ответственной вряд ли. Она приходила к восьми, здоровалась вежливо, справлялась о мамином состоянии, но Света всегда чувствовала, что эта вежливость и этот интерес её – показные. Нафиса совсем ничего не делала, она даже могла за всю ночь, за двенадцать часов, ни разу не поменять ма-

ме позу. Что ни говори, а неприятная Иванова была намного лучше Нафисы как сиделка. Ольга Александровна не болтала часами по телефону с мужчинами, пытаясь найти себе мужа, и главное, она чётко выполняла все медицинские предписания. В общем, если бы надо было кого-то уволить, Светлана оставила бы Иванову. Пусть даже она и противная.

Ещё до ухода папы на работу Света сходилa забрала братьев из садика. Они там поужинали, и кормить их было не нужно, только молоко с пряниками на ночь дать. Теперь мальчишки уселись за компьютер, играли и непрерывно ругались. Света тоже хотела посидеть в соцсетях, пролистать ленты, но вынуждена была ждать, пока Колька и Макс лягут спать, вот тогда будет её время. А пока она пошла в ванную.

Там, в ванной, она взяла папину бритву. Посмотрела на неё, лезвие в ней старое, наверное, тупое. Света уже сбривала себе лишнюю растительность. И сейчас хотела сбрить немного. Подмышками, например. Перед соревнованиями все старшие девочки из её команды так делали. Они брили не только подмышки. И ноги брили, и вообще везде. Она вспомнила, что сегодня Мурат позвал её к себе домой. Отчего-то это воспоминание взволновало её. Хотя Мурат ей не очень нравился. Но всё равно, это его предложение... Что он вообще имел в виду? Зачем приглашал? Мартини. Очень красивое название. Наверно, это вино вкусное. Она никогда не пробовала мартини, она вообще никогда не выпивала, так... пиво пробовала разок. А вот её одноклассницы уже

выпивали, ну, половина из них – это точно. Дуры, ещё выкладывали свои пьяные фотки в соцсети, неужели не боятся, что родители увидят? Нет, Светлана отложила папину бритву, решила помыться.

И уже разделась, уже открывала воду, как в дверь ванной стали яростно тарабанить. Это были мальчишки, они были возбуждены и орали при этом:

– Света-а, Света-аа...!

– Ну что, по лбу кто-то хочет? – разозлилась девочка.

– Света...! – орал Колька, она узнавала его по интонации.

– Света-а... у нас в комнате робот!

– Он шебуршит... – добавлял Макс. – И он не робот, он жук.

– Идите, я помоюсь и посмотрю, – отвечала Светлана, – и сколько раз вам, глупым, нужно говорить, чтобы никогда не ломились ко мне в ванную?

– Света, Света..., – продолжал Колька, – робот страшный, мы не можем играть.

– Не играйте в эту игру, – советует Светлана. – Играйте в другую.

– Света, он не в игре, он на кровати на нашей, – говорил Максим. – Он ползает по кровати!

Светлана раздражённо надевает белье.

– Если я не найду вашего робота, вы оба получите.

Открывает дверь и, прикрывая грудь рукой, идёт за мальчишками в комнату.

– Это не робот, – поправляет Макс, – это жук.
– Это робот! – орёт Колька.
– Ты дурак, это жук! – говорит Максим.
– Это ты дурак, сейчас Света его поймает, и ты увидишь!
– продолжает орать Коля. – Это просто такой робот в виде жука.

Света, злая, входит в комнату, останавливается у кровати братьев, губы поджала:

– Ну, где ваш жук, где ваш робот?

На кровати ничего подобного нет, Макс молчит, а быстрый Колька сразу соображает:

– Значит, сполз, – он опускается на пол. Заглядывает под кровать. И победно кричит: – Вон он, Света! Робот!

Светлана, прикрывая груди руками, тоже садится на колени рядом с братом, заглядывает под кровать. И сразу видит робота-жука. Он ползёт вдоль пыльного плинтуса. Ей и секунды не понадобилось, чтобы понять, кто это такой. Чёрный и блестящий, как кусочек угля длиной в указательный палец. Длинное брюхо на конус. Четыре крепких лапы. Жвала – острые клещи. Она узнала эту тварь. Вспомнила и узнала. Ей стало нехорошо, так как она вспомнила свой отвратительный сон. Кусаки. Ночные кусаки. Это один из них.

– Света, скажи Коле, что это не робот, а жук, – говорит Макс, с ней и с братом разглядывая существо.

А девочка не отвечает, смотрит на существо, смотрит, и её отчего-то вдруг захлестнула такая злость, что аж врезать

кому-то захотелось, она лезет под кровать, уже забыв про неприкрытую грудь, и выметает ладонью из-под кровати ку-саку вместе с пылью.

– А, Света! Осторожно... Он тебя укусит, вон какие у него рога! – радостно кричит Колька.

Но девочка не боится кусаку. Она, сжав свой небольшой кулачок, замахнулась, врезала по твари. Так врезала, что она хрустнула, и из неё что-то слегка брызнуло.

– Ой, Света! – тихо произнёс Макс.

А девочка брезгливо взяла раздавленную тварь за лапу и понесла её в туалет. Мальчишки бежали следом:

– Света-а... А это жук или робот? – спрашивал Колька.

Светлана швырнула кусаку в унитаз и смыла, и лишь убедившись, что вода унесла эту мерзость в канализацию, ответила с ненавистью:

– Это таракан.

– Тараканы не такие, – робко возразил ей Макс.

Но девочка его не слышала, она все ещё смотрела в чистую воду унитаза и думала, верее, вспоминала то, что ей снилось ночью. Теперь она вспомнила всё до мельчайших деталей, вспомнила свои эмоции и страхи.

Близнецы настроения своей сестры различали по её лицу, оба притихли, знали, что сейчас её лучше не доставать вопросами, и даже нагловатый Колька, и тот потихонечку ушел вслед за братом, так и не поняв до конца, почему старшая сестра вдруг стала такой злой. Она прошла в ванную, стала

быстро одеваться, всё желание поплескаться в теплой воде, а тем более что-нибудь сбрить себе папиной бритвой сразу пропало. Девочка уже не вспоминала ни о Мурате, ни о мар- тини. Всё это вдруг стало каким-то далёким и нереальным, не то что сон, который ей снился этой ночью. В этот вечер она так и не посидела за компьютером. Сидела на кровати, смотрела, как близнецы, попивая молоко и поедая шоколад- ные пряники, ругаются из-за того, кому проходить следую- щий уровень. Девочка даже не дождалась положенных де- сяти часов, отправила их спать раньше. Они немножко по- протестовали, но не сильно, уж больно зла была их сестра в этот вечер. Светлана пошла перебросилась парой слов с На- фисой. Как всегда, та говорила, чтобы Света не волновалась, что она будет следить за мамой и не будет спать. Но девочка знала, что она врёт. Однако за те деньги, что папа мог пла- тить, других сиделок с медицинским образованием было не найти. Светлана пошла и легла в свою кровать. А за окном ещё светло, она подумала, что братья уже спят, а у неё состо- яние такое, что и не заснуть. Едва не трясётся, как вспомнит, что под камнем очнулась. Какой тут сон. Проклятый, про- клятый кусака, появись он ещё раз, опять бы раздавила его кулаком. Ещё и ногой топтала бы.

Глава 7

Это был всё тот же камень. Всё тот же густой туман. Она была на том же месте. И странное дело, у девочки не было желания плакать. Вдыхая полной грудью туман со знакомым едким привкусом, она присела и стала шарить по земле руками. Это как-то само собой произошло, она как будто включилась. Светлана не причитала и не плакала, она присела на корточки и искала свою палку. Она должна была быть тут. Не мог же тот мерзкий дедок с глазами без зрачков её забрать. О! Палка оказалась там, где и должна была быть. Девочка обрадовалась. Сразу взяла свою палку покрепче. Так ей было спокойнее. Теперь она огляделась. Ну, тут гляди-не гляди, но если вытянуть руку с палкой, там, где она кончится, уже ничего не видно. Туман. За камнем кто-то закричал. Кажется, она слышала этот крик, похожий на крик обиженной птицы. Хорошо, что далеко, – или это туман так приглушает звуки? Она вспомнила, что из-под камня может вылезти тот страшный червяк с лапками, ей очень не хотелось, чтобы его жёлтые жвала впились ей в лодыжку. А в этом проклятом тумане разве его разглядишь? Подползёт незаметно, червяк-то на самом деле был весьма проворен.

Она, медленно ступая, чтобы не шуметь, подошла к камню поближе, наклонилась и увидела чёрную дыру, из которой сама в прошлый раз вылезла. Там, у входа, была пара

кусак, но их-то Света уже не боялась. Она выпрямилась и замерла, взяв палку покрепче. Ей нужно было пересидеть тут какое-то время. Это же сон. Вот она и подождёт, пока проснётся. Её камень вполне бы её устроил. Если не придёт тот дедок, то можно остаться и тут. Она на всякий случай огляделась, стараясь рассмотреть всё, что не скрывал от неё туман.

На том деревце или кусте, которое почти не имело листьев и что рос рядом с камнем, сидело существо. Оно сильно походило на... кошку-сфинкса. Только раза в три крупнее. Да, на нём не было шерсти, и величиной оно было с огромного кота, но это был не кот, совсем не кот. Кожа его была того же цвета, что и у Светланы. Но вот головы как таковой у существа не было: огромный рот, огромные уши торчком, длинные ноздри – всё это помещалось на конце туловища. Уши и нос, ноздри, всё ярко выраженное, пасть большая, чуть приоткрытая, хоть и зубов в ней не было видно, тем не менее, она была очень неприятна. Особенно неприятны были его совсем не кошачьи ручки-лапки, с пальцами и чёрными крупными когтями на них.

Зато глаза у существа были очень малы, это были прорези, которые сделали в коже, как будто впопыхах. Маленькие дыры на всякий случай. Помимо всего этого, существо имело длинный хвост, который замотался пружиной вокруг крупной ветки. Девочка подумала, что существо ещё похоже на хамелеона, она видела таких в передвижном зоопарке. Си-

дит такой и держится так же лапами, как хамелеон. И тут неожиданно – Светлана даже чуть не вскрикнула – это существо легко перепрыгнуло с ветки на камень, ловко и весьма быстро пробежало пару метров и что-то схватило своею лапой с цепкими пальчиками. Света поняла, оно схватило кусаку. И поступило с жуком очень ловко. Существо быстро отгрызло жуку длинное коническое брюшко, а грудь, лапы и голову со жвалами просто выбросило, и эти останки скатились по камню вниз. А зверь, разинув свою страшную пасть и собравшись с силами, издал резкий и пронзительный звук. Звук был высокий и неприятный, это был почти визг, от которого девочка поморщилась. И тут же откуда-то донёсся ответ. Такой же писк, только чуть сглаженный, ослабленный туманом. А потом ещё один, но уже с другого места. И ещё один, и ещё. А противный крикун тем временем нашёл ещё одного кусаку и расправился с ним так же, как и с первым. Сожрал, собрался с духом, и опять мерзко проорал в туман. Крикун не показался ей уж очень страшным, но когда из тумана на камень к первому выскочил ещё один, а через несколько секунд вылез третий, а потом и ещё один, Светлана захотела отсюда уйти. Кажется, зря голос говорил ей, что это место безопасное. Один крикун, может, ещё и не страшен, но когда этих ловких животных... уже пять! Света потихонечку начала отходить. Спинай, спиной вперёд, держа палку наготове и стараясь не выпускать крикунов из поля зрения. Но в поле зрения она держала их недолго, пять-

шесть шагов и всё – туман. Она остановилась и присела. Не издавать звуков и не источать запахов. Кажется, так говорил ей голос. Напротив её камня в прошлый раз, когда жгучее солнце растопило туман, она видела высокую стену с окнами, остатки бывшего дома. Развалины.

Девочка подумала, что там ей будет безопаснее, вот только сейчас, в тумане, да ещё и отойдя уже от «своего» камня, она не могла точно найти нужное направление. Хорошо, что крикуны всё ещё кричали за спиной. Хотя какой-то ориентир. Их даже через туман было слышно. Всё-таки оставаться тут, на открытом месте, она не хотела, ей нужно было какое-то укрытие. Светлана, аккуратно и глядя себе под ноги – обуви-то у неё не было – пошла туда, где, по её мнению, должны быть развалины дома и ещё не рухнувшая стена. Она видела осколки разбитой пивной бутылки, валяющиеся на коричневой, глинистой земле, видела ржавый и погнутый самокат без колёс. А ещё увидела ржавые, вмятые в грунт прутья маленького заборчика, которым обычно огораживают газоны. Они что-то напомнили ей, сначала она даже не поняла, что. Но, как выяснилось, шла девочка в правильном направлении. Уже вскоре, чуть наколов ногу, она разглядела через туман тёмное пятно. Стена. Тут нужно было идти ещё аккуратнее – кучи битого кирпича, гнилые доски с большими коричневыми гвоздями, осколки стекла.

Ей пришлось выбирать место для каждого следующего шага, чтобы не поранить ногу. Но останавливаться она не хо-

тела, ей почему-то казалось, что у этой стены, в этих развалинах, ей будет безопасно, почему она так думала, девочка ответить бы не смогла. Просто ей так казалось. Оказавшись у стены, она остановилась. Да, жёлтая стена, пустые окна, даже без рам, выше второго этажа уже ничего не видно, туман. Тут ей стало не по себе. По стене весьма бодро пробежал такой же червяк с лапками, как тот, что напугал её в прошлый раз, когда вылез из-под камня. Только этот был раз в сто меньше. Всего с её палец. Светлана уже не была так уверена в безопасности этих развалин. Она стала осматривать стену, и увидела... табличку. Такие тёмно-синие эмалированные таблички с названиями улиц и номерами домов она видела на многих зданиях. А эта табличка была облупившаяся, но Светлана без труда могла прочесть надпись на ней: «ул. Гастелло д. 28». Света раскрыла рот от удивления. Она знала этот дом. Она жила совсем рядом, в трёх сотнях метров отсюда, это был её район. Гагарина – Фрунзе – Гастелло – Ленсовета, это квадрат, в котором она родилась и выросла. Голос говорил ей, что это её сон. Теперь Светлана была в этом уверена, вокруг всё разбито, всё разрушено, но ещё некоторое время назад она ложилась спать в свою постель в своём доме. В целом доме, не в разрушенном, а до этого шла домой из Чесменского прихода как раз по улице Гастелло. И все дома вокруг были целы. И двадцать восьмой тоже. Нет-нет, это точно сон, и ничего другого быть не может. И тут раздался рёв у неё за спиной, настоящий, гортанный, с хри-

пом. И ревел кто-то немаленький. Она быстро обернулась, выставив вперёд свою спасительную палку. Но кричали не так близко, чтобы можно было достать палкой. И сразу на рёв отозвались крикуны, дружно, зло и громко загалдели. Там, у её камня, от которого она ушла, явно что-то происходило. Какая-то возня, и снова рёв. Крикуны как с ума посходили, орали так, что Светлане захотелось заткнуть уши, она даже присела. И сразу раздался визг, заливной и обиженный, и она даже разглядела, как в клубах тумана мимо неё пронеслось что-то темное и большое. Пронеслось так быстро, что туман, кажется, за ним завихрялся. Крикуны ещё поорали немного, а потом вверху, в воздухе, несколько раз крякнула птица, как бы завершая кутерьму. И снова стало тихо. Нет, ей точно нужно было какое-то укрытие. Девочка встала и, снова выбирая место для каждого следующего шага, пошла вдоль стены, надеясь найти или проём от двери, или окончание стены.

Девочке очень повезло, а может, везёт тому, кто ищет, в общем, обойдя стену, она нашла один сохранившийся лестничный пролёт, что шёл вокруг шахты лифта и вёл на второй этаж, на небольшую лестничную площадку с окном над нею. Место было очень выгодным, добраться туда можно было лишь по ступеням или по отвесной стене. Только вот место это было занято. Там, на такой хорошей лестничной площадке, среди отбитой штукатурки и обломков кирпичной кладки, сидела огромная жаба, этакий серо-жёлтый невзрачный

бугор, который и не сразу заметишь среди мусора, даже поставив рядом с ней ногу. Только большой бугор. Была она так велика, что не влезла бы в небольшую сковороду, свисала бы с краёв по всему периметру. И хорошо, что вокруг было много битого камня, кусков бетона с вывороченной арматурой и всяких других острых предметов. Светлана шла медленно. Медленно и тихо, и поэтому первая заметила это почти круглое, неприятное, серое в жёлтых пятнах существо. Заметила девочка жабу как раз в тот момент, когда та охотилась. Сначала жаба брызнула откуда-то из морды прозрачной, тонкой струёй на стену. А затем лениво и неуклюже подползла к стене поближе и выбросила из пасти большой и тяжёлый белый язык, слизнув что-то со стены. Язык же её потом упал на бетонный пол, и она его втянула в себя вместе с мелким мусором, прилипшим к нему, – зрелище малоприятное. Да, тут даже жабы, и те ужасны. Светлана вспомнила, что ей говорил голос. Он как раз упоминал жаб как весьма опасных существ. Но Света не собиралась уступать этому мерзкому существу такое удобное и безопасное место. Интуитивно девочка поняла, что под прозрачную струю жабы лучше не попадать. А ещё она поняла, что своей палкой-выручалкой это мощное существо ей с одного удара не убить. Палочка показалась девочке слишком легкой для такой мощной твари. Ударь такую, попробуй, так она ведь в ответ и брызнет, а на девочке даже одежды нет, ну, кроме трусов и майки. Света немного подумала, надеясь на то, что жаба так и будет сидеть мордой

к стенке, а не к ней. И решила. Она своей палкой скинет жабу вниз с площадки, вот и всё. Мысль была хорошей. И Света стала потихоньку протягивать палку вдоль стены, чтобы оттуда резким движением смахнуть животное вниз. Жаба, может, и не видела девочку, но вот палку она разглядела сразу. И сразу тонкая струя вылетела в сторону оружия Светы. Всё, теперь можно было не прятаться, Света, уже не стесняясь, старалась палкой сгрести жабу с лестничной площадки. Но торопилась, нервничала, боясь, что брызги струи попадут на неё, делала лишние движения, промахивалась. Тонкий конец палки проскакивал то под животным, то поверх спины жабы, то девочке просто мешал мусор, в общем, ей с трудом удавалось толкать животное к краю площадки, тем более что жаба не хотела двигаться и всё время пыталась остаться на месте и поливала конец оружия Светланы своей жидкостью. В общем, и та, и другая прилагали заметные усилия, чтобы выиграть поединок. Но Светлана оказалась сильнее, она всё-таки сдвинула жабу ближе к шахте лифта, а у той закончилась её жидкость, да ещё и палка ловко её перевернула на спину, в общем, жаба сдалась, устала. Так и лежала на спине, обнажив своё блёклое пузо. Почти не двигаясь, отдыхая. А девочка, уже не торопясь и обдуманно, подковырнула её и скинула вниз. Светлана даже порадовалась, что она победила это мерзкое животное. Теперь пролёт и площадка её. А жаба... Света подошла к краю и заглянула вниз. Жаба сидела на большом куске бетона, как ни в чём не бывало.

Вообще-то Светлана, как и большинство её сверстниц, любила животных, котиков всяких, собачек. Особенно ей нравились бордер-колли, посмотрев в интернете, что вытворяют эти умные псы, она в шутку говорила, что такие собачки могли бы учиться в их классе на твёрдые тройки. Но вся её любовь к животным никак не распространялась на здешних существ. Света думала, что прячется она здесь, может быть, не в последний раз, и соседствовать с такой мерзкой тварью, что плюётся неизвестно чем, ей вовсе не хотелось. Девочка поставила к стене свою палку, подняла из кучи мусора кусок стены из слепленных цементом двух кирпичей. Не без труда подняла, поднесла их к краю площадки, прицелилась, тяжело дыша, и отпустила. Хорошо, что она не стала бить жабу палкой. Огромный камень лёг точно на спину животного, но оно не сдохло сразу от страшного удара, а стало быстро, даже судорожно, раскидывая задними лапами мусор и крошево, прыгать в сторону.

Свалилось куда-то за куски переломанного лестничного пролёта, а оттуда заползло в какую-то щель, в темноту. Девочка была удивлена, очень удивлена живучестью этого неприятного животного. Она надеялась, что жаба всё-таки сдохнет там, под камнями, уж очень Свете не хотелось делить с ней своё убежище.

Глава 8

Девочка огляделась. Да, место удобное, но его нужно было почистить. Слишком много тут битого камня и мусора. Но сейчас, после схватки с жабой, ей хотелось чуть передохнуть, оглядеться.

Фу! Вот на кого охотилась жаба. По стене ползали... кажется, папа называл их мокрицами. Они давно, до ремонта в их квартире, под ванной жили. Но те были мелкие, а эти здоровенные, серые, величиной с её мизинец. Тут, в неразрушенном углу дома, в тумане, им было хорошо, сыро. Их тут было немало. Светлана взяла свою палку. И взгляд упал на тонкий её конец. Девочка удивилась. Вся кора, гибкая и крепкая, с палки слезла или распушилась на нитки, а белая сердцевина, что была под корой, потемнела. Она смотрела на ещё влажный конец своего оружия, а потом, ради интереса, взяла и прикоснулась концом палки к крупной мокрице, что ползла по стене. Прикоснулась и чуть прижала её, но прижала легко, так, чтобы не раздавить. Почти сразу мокрица сжалась, выскользнула из-под палки, свалилась на мусор, но не убежала в какую-либо щель, а стала сворачиваться и разворачиваться, выгибалась и снова скручивалась в комок. Сделав так несколько раз, она развернулась и умерла. Светлана, чуть подумав, выбрала не стене ещё одну крупную мокрицу и повторила действие. Она опять прижала мокрицу

влажным концом своей палки. И опять смотрела, как та выкручивается, падает и тоже умирает.

– Офигеть. – тихо произнесла Светлана, разглядывая потемневший конец своего оружия. И думала о том, что ей повезло, что эти жабы слюни не попали на неё. Главное, самой теперь за тонкий конец не схватиться. Девочка опять огляделась, теперь она собиралась разобраться тут у себя на площадке. И вдруг...

– Это вы? – раздалось... кажется, прямо над её головой. Она даже голову задрала, но, кроме тумана, ничего не увидела. – Вы вчера выбирались из-под земли?

А-а-а-а... Как девочка была рада этому голосу. Она чуть не закричала от радости, чуть не запрыгала на месте.

– Да, да! Это я, я. – быстро говорила Светлана. – Вы меня видите?

– Вижу, – отвечал ей голос чуть погодя. – Но я могу видеть вас только в том случае, если вы находитесь на одном месте не менее десяти секунд, или я вижу ваши движения, но с задержкой. Но я хорошо вас слышу. Я просто узнаю вас по тембру голоса. Звуки я разбираю даже в тумане, но и они от вас доходят до меня через десять секунд.

– Что? – не поняла Светлана. Почему? Почему десять секунд? Впрочем, её это сейчас не сильно заботило. Девочку интересовал другой вопрос. – Почему я опять вижу этот сон, вы говорили, что я больше об этом месте и не вспомню. А я опять тут... Ну, это... В смысле мне опять это снится...

– Боюсь, что моя оценка ситуации с вами не была взвешенной, – спокойно и с задержкой отвечал ей голос.

– Не была взвешенной? – падающим голосом переспросила девочка.

– Да, я думал, что вы тут случайно. Многие люди ищут, как сюда попасть, мне же, в прошлую нашу встречу, показалось, что вы тут оказались случайно. Вот я и подумал, что больше вам тут бывать не придётся. Судя по всему, я ошибался.

Светлана опешила. Замерла, задумалась. Даже рот раскрыла. Она ничего не понимала. Какие ещё люди, да ещё и многие, которые хотят попасть в её сны. Но, едва подумав об этом, она снова вернулась к вопросу, который её волновал больше всего:

– А вы не скажете, как мне проснуться?

– К сожалению, я не знаю ответа на этот вопрос, – донеслось до неё с задержкой, к которой она уже начинала привыкать.

– Может, мне будильник ставить? – робко предложила она.

– Я не уверен, что это вам поможет. Боюсь... ну, если вы сюда проникаете не по своей воле, то вас сюда призывают.

– Что значит призывают? – удивилась Света. – Кто это меня призывает в мои же сны? Как такое может быть?

И тут в глубине ее сознания, далеко-далеко, в самом потаённом уголке ее души, сам собой всплыл вопрос: может

быть, это... мама?

На сей раз задержка была намного длиннее, чем обычно, видимо, голос размышлял над ответом. И наконец ответил:

— Вам нужно выслушать меня внимательно, и уж если вам придётся иметь дело с этим местом, вам просто необходимо это знать. Дело в том, что это не ваш сон. Это место я называю Истоки.

— Истоки..., — тихо, почти шёпотом, и удивлённо произнесла она, продолжая слушать, что говорит голос.

— Это всего лишь точка в потоке времени, точка, в которой начинается и ваше личное, ваше персональное время. Но эта точка не только ваша, так как она напрямую привязана к точке вашего пространства, того, в котором вы непосредственно обитаете, то есть это ещё Исток для миллионов подобных вам существ, что сейчас живут с вами в вашем времени и в вашей локации, в вашем трёхмере.

Светлана молчала. Всё то, что произнёс сейчас голос, просто не укладывалась в её голове. Да и не могло это уложиться в голове девочки, которой ещё не исполнилось и шестнадцати. Которая училась-то на тройки, потому что до беды, что приключилась с их семьёй, ничем, кроме бега, любимого спорта, и аниме почти и не интересовалась. А тут тебе потоки времени, точки, локации всякие, непонятные трёхмеры, глупости, глупости неприятные и непонятные. Не о том она хотела слышать. Нет... Скорее всего, это точно какой-то забубённый и глупый сон. Но среди этого всего непонятного

сна неожиданно появилась одна вещь, которая Светлану заинтересовала. Папа смеялся над ней частенько, ну, в те времена, когда он ещё умел смеяться. Смеялся, когда она, вытаращив глаза, прибегла к нему обсудить какую-либо дикую новость, прочитанную в интернете. Как было с новостью, что с какого-то там года обучение в десятых и в одиннадцатых классах будет платным. С этой новостью она прибежала к папе. А он, выслушав её, улыбался и говорил:

– Светка, в военной науке есть незыблемое правило, а именно: любая информация должна быть осмыслена, проанализирована, – он поднимал палец вверх, повторяя: – Любая информация. И первым пунктом анализа значится источник информации. Источник! Кто тебе эту дурь сказал?

– Одна тётка... Блогерша.

– Я так и думал, а на сайте министерства образования такая информация есть?

– Да откуда я знаю, я ту тётку послушала и к тебе пришла, – отвечала девочка.

– То есть, достаточно какой-то шаболде что-то там пробубнить в интернете, и ты всё, что она скажет, готова принять на веру?

– Ну, не знаю, па... У неё полтора миллиона подписчиков. Он покачал головой:

– Ничего ровным счётом это не значит. Полтора миллиона слабоумных, не будь такой, как они. Всё всегда проверяй, ничего не бери на вру. Особенно источник информации,

ищи подтверждения из других источников, иначе будут потери в личном составе, – назидательно говорил отец. – Проверь данную информацию на официальном сайте и, если не найдёшь там подтверждения, отписывайся от этой тётки.

Папа был умным... Ну, так мама говорила. Света всегда запоминала то, что он говорит, вот и сейчас она захотела кое-что выяснить. И поэтому она не стала спрашивать ни про локацию, ни про потоки времени, ни ещё про что-то там, а спросила лишь:

– А можно на вас взглянуть? – и, чуть помолчав, добавила: – А то мы всё говорим, а я вас так и не видела.

– Боюсь, что сейчас это не представляется возможным, – отвечал голос. – Дело в том, что я в своём физическом состоянии тут пока появиться не могу. Мы находимся в разных рукавах времени, вы ведь слышите, что мои слова доходят до вас с запозданием, по сути, вы говорите не со мной лично, а с моей проекцией.

«Ну да, ну да...». Светлана так почему-то и думала. Рукава времени, проекции... Ещё чего-нибудь умного скажи... Она даже улыбнулась незаметно. И продолжила:

– А как же ваша проекция меня видит, как же она со мной говорит, что это такое – проекция?

– Это очень сложно объяснить, но сейчас я нахожусь почти в таком же состоянии, что и вы, я тут существую на тех же физических принципах, только в отличие от вас, я это свое состояние перемещаю сюда сам, хотя это мне даётся так

же нелегко, как вам нырнуть в воду на глубину в двести ваших шагов без какого-либо оборудования. Только своё физическое естество я оставляю там, в своём трёхмере, точно так же, как и вы свое.

Светлана едва не фыркнула. Едва сдержалась. Ничего из того, что говорил голос, она не понимала. Только лишь убеждалась, что это всё какой-то дурной и неприятный сон. В этом теперь она не сомневалась. И почему-то доверие к голосу, ещё вчера такое крепкое, сегодня таяло прямо на глазах. Может, потому, что она сидит в развалинах дома, который в реальности цел и невредим?

«Он какой-то мутный. Он из тех, кто за умными словами хочет скрыть какой-то развод. А может, его и вовсе нет. Может, это сон, который скоро закончится», – думала Светлана. И какой-то бесёнок внутри стал словно подбивать её: выведи, выведи его на чистую воду. Она и спросила у него:

– А раз вам тут так тяжело находиться, зачем вы сюда... Приходите или спускаетесь? Не знаю, как вы это называет. Зверушек местных изучать, что ли?

Ей на этот раз пришлось подождать подольше, прежде чем она услышала:

– Нет, местные существа мне мало интересны, меня интересует время. В таких точках его легче изучать. Тут заметны его нюансы, которых в сплошном потоке не разглядеть.

– А зовут вас как? – сразу спросила девочка.

Опять ожидание. И после:

– Скорее всего, первое моё имя будет звучать для вас как Ль. Меня можно было бы назвать Любопытный. Но думаю, что сокращение будет уместным.

– Что? Ль? – «Любопытный. Глупость какая!» Светлана очень жалела, что не может на него взглянуть. Тогда этот «Ль» во взгляде девочки точно увидел бы весь её сарказм.

– Возможно, что в вашей транскрипции это будет звучать скорее, как Лю. Да, Лю, так будет лучше, – произнёс голос, как обычно с задержкой.

– Лю, ну хорошо. А меня зовут Светлана. Света.

– Светлана, Света, – повторил голос, – вы мне уже называли свое имя, но раньше я звал вас «высокий беспокойный и встревоженный голос, который доносился из-под земли».

«Очень приятно! Офигенное имя!», – подумала девочка с некоторой обидой. И тут же спросила:

– Лю, так вы точно не знаете способа... ну, это... как бы мне проснуться?

– Если у меня появятся мысли на этот счёт, я вам сразу сообщу. Но вы не первая, кто у меня спрашивает об этом, и пока я никому не смог помочь.

И вот тут всякий скепсис покинул девочку, вот эта тема была интересна. Она быстро и, как ей казалось, правильно сформулировала вопрос, но задала лишь первую его половину.

– Так я не первая... не первая, с кем вы тут встречаетесь, Лю?

– Нет, далеко не первая, уже встречал здесь представителей из вашего трёхмера.

– И где они сейчас? – вообще-то Свету интересовал другой вопрос, её интересовало, что с ними стало. Но она отважилась только на такую форму.

– Я не могу ответить на этот вопрос. В той области, в которой я могу коммуницировать, а она весьма невелика, вам подобные появляются нечасто; те, кто попадает сюда по своей воле, те уходят на север, подальше от черты, там спокойнее, там меньше агрессивных существ. А те, кого призывают сирены, уходят либо к черте, либо на запад. Каждый идёт туда, откуда доносится зов сирен, которые его зовут.

– А сирены – это... как у пожарных машин? Такие громкие звуки?

Опять голос, вернее, теперь Лю, молчал дольше обычного. Свете даже показалось, что он не понял её вопроса, наконец она услышала:

– Нет, сирены – это существа, что призывают сюда таких, как вы. Сирены способны своей песней вырвать вас из вашего трёхмера, разве вы не слышите их? Это, насколько я могу судить, протяжный монотонный звук, который вы должны слышать почти всё время.

– Песня, которую я должна слышать почти всё время? – удивилась девочка. Нет, никакой песни она не слышала.

– Да, мне рассказывали, что она монотонная и непрекращающаяся, она мешает комфортному существованию всяко-

го, кто её слышит, зов сирены разбалансирует психику и даже выводит из себя. Люди приглушают этот звук при помощи специфических химических компонентов. Вы слышите такой звук?

Светлана замерла. Кто-то шебуршал внизу, возможно, всё та же жаба. Птица опять крякала где-то вдали. Нет, никакого звука она не слышала. Она забыла, что Любопытный, скорее всего, её не видит, и покачала головой: Нет. Не слышу ничего подобного.

– Нет-нет, не пытайтесь услышать его вашими внешними органами слуха. Зов сирены – он звучит внутри вас, так же, как и мой голос.

Только тут впервые Света обратила внимания на то... А ведь и вправду, голос Лю звучал всё время с одинаковой силой и частотой. И да, он звучал внутри неё. В голове? Нет, не в голове. Или в голове? А теперь, когда она вдруг сделала для себя это открытие, а Лю продолжал молчать, ничего другого она не слышала. Кроме естественного фона. И этот фон звучал вовсе не внутри. Это были те самые простые звуки, которые она слышала ушами.

– Нет, я ничего не слышу, кажется, меня никто не зовёт, – наконец произнесла девочка.

– Это удивительное дело, – произнёс Лю. – Вы первая на моей памяти, кто попадает сюда не по своей воле и не по воле сирен. Значит, в вашем существовании всё гармонично? У вас нет трудностей в проживании отпущенного вам вре-

мени?

«Как же нет?». Свете сразу вспомнилась мамина рука, провода, датчики, капельницы, круглосуточно шуршащие вентиляторами приборы контроля. А потом папины костыли и две его работы, огромные счета по кредиту и выплаты по суду, злые тётки из комиссии, готовые в любой момент забрать её и близнецов от папы и посадить их в детдом, сверстники в школе, драные кроссовки, Пахом-придурок. «Ну как же, нет трудностей?».

– Трудности у меня есть, – наконец ответила она, заметно помрачнев. – У меня их много.

А Лю и продолжает, всё так же спокойно и всё тем же своим красивым голосом:

– А вы когда-нибудь задумывались о прекращении своего существования?

«Это о чём он спрашивает?». Светлана напряглась, она даже взяла палку, что до сих пор стояла прислонённая к стене. «Это он про что? Про смерть? Про смерть её спрашивает? А зачем?». Она, конечно, не раз думала о смерти, о своей смерти как таковой и о том, что в этом случае будет с её родными. Девочка знала, что нужна отцу, он просто без неё не справится, она знала, что нужна и близнецам, они её любят, и особенно нужна маме, ведь мама только на её прикосновение отвечает рукопожатием, только от её голоса мамины зрачки шевелятся. Но всё-таки Света думала о своей смерти.

А Лю, не дождавшись её ответа, продолжал:

– Сирены ищут тех, у кого тяжесть существования превышает радость от него. Ищут тех, кто задумывался о прекращении своего бытия. Сирены зовут именно их.

– Меня никто не зовёт, – ответила Светлана сразу и как-то зло. – Я ничего такого не слышу, ясно вам?

Но вся беда была в том, что в глубине души она почувствовала после слов Лю беспокойство. То беспокойство, что раньше в себе не замечала. Ведь, что ни говори, а жизнь её протекала от утра до вечера лишь с одной мыслью: прожить этот день. Она уже давно позабыла, чему ещё можно радоваться, как не покупке хорошей картошки по скидке. Она молчала, а голос опять заговорил:

– Я рад был с вами опять пообщаться, я узнал кое-что интересное для себя, спасибо вам, мои силы на исходе, мне пора, прощайте. Желаю вам того, чего бы вам самой хотелось.

«Прощайте? Как прощайте?». Светлана оживилась.

– Подождите, Лю. А я... А что же делать мне? – она подняла голову, забыв, что всё равно не сможет его увидеть.

– Ну, вам нужно идти на север. Тут все дома разрушены, а всего в двух сотнях метров на север есть целые дома, там вам нужно поискать себе одежду и обувь. Берите самую крепкую, самую прочную, найдите себе оружие, то, каким сможете владеть. Возможно, хорошая одежда поможет вам выжить здесь. Прощайте.

– Подождите, Лю. Мне идти на север? – она пыталась понять. – А север где? Вы тут, Лю?

Но ей уже никто не отвечал.

Глава 9

Тут из-под кучи битого кирпича выполз червяк с ножками и щипцами на голове, хорошо, что маленький, сантиметров десять, теперь, после того гиганта под камнем, он был не очень страшный. Червяк получил пару раз тонким концом палки, но не сдох, а проворно залез под камни обратно. По стене всё ползли мокрицы, на одной из них девочка ещё раз испытала палку, палка ещё работала. За стеной, вдалеке, снова заорали крикуны, становилось теплее. Как голос попрощался и умолк, Светлане стало одиноко, а ещё с Лю ей было спокойнее, словно он оберегал её. Тут, в развалинах, она чувствовала себя лучше, чем у камня, но Лю советовал ей найти одежду. Пусть она и с недоверием относилась к его последним пояснениям, но тут и спорить было нечего, одежда ей была нужна. И, главное, обувь. Здесь столько всего, что может повредить ноги, и живого, и не живого, в общем, нужно было выйти из убежища. Пока она размышляла, сами собой появились тени, и стало ещё теплее, девочка заметила, что туман почти рассеялся. Да, он тут исчезал очень быстро. Света начала спускаться по лестнице, всё так же аккуратно, чтобы не поранить ног. А ещё она помнила, что там, внизу, в кучах ломаного бетона, кажется, ещё живая, пряталась жаба. Девочка дошла до выхода из развалин. Остановилась. Всё, туман закончился. Пространство вокруг заливал белый, бе-

лый, жаркий свет. С громким жужжанием прилетело и плюхнулось ей на майку, прямо на грудь, отвратительное насекомое. Вскрикнув, девочка смахнула его на землю, оно было большое и неуклюжее, похожее на крымскую цикаду. Упало, копошилось в крошечке кирпича, Света, всё ещё перепуганная, прижала его к земле палкой.

Кажется, палка уже высыхала, теряя свои магические возможности. Насекомое вывернулось, тяжело зажуужало, с трудом взлетело и унеслось прочь.

«Сколько же тут всяких мерзостей». Девочка перевела дух и огляделась. Камень. Её камень был ей хорошо виден. «Если это двадцать восьмой дом по Гастелло, то там... проспект Гагарина, а там Фрунзе». И там, в той стороне, она видела не развалины, а хорошо сохранившиеся дома. Они были жёлтые и яркие в свете этого обжигающего солнца. Совсем как живые. В них должно было быть то, что ей нужно. Над развалинами пронеслись две птицы. Снова мимо неё басом прожуужало какое-то насекомое. Стоять тут и бояться не было смысла, в случае опасности она просто убежит. Решив так, Светлана вышла из развалин двадцать восьмого дома. Взяв свою палку двумя руками, она пошла к камню, прошла, оглябая его с юга, и направилась дальше к виднеющимся впереди домам. Стоящие ещё кое-где стены, горы битого кирпича, она обходила, стараясь не приближаться к ним. Птица, проклятая, проорала почти над головой, напугала Свету своим резким кряканьем, девочка задрала голову, проводила её

недобрым взглядом. Птица ещё и уродливая была. Светлана снова двинулась к домам, там, за ржавыми островами гаражей, она увидела красивый... Ковёр? Нет, это была лужайка, которая белела на солнце. А цвет у неё был не белый, цвет у лужайки был серебристый. Когда она подошла ближе, то поняла, что серебро цвета отдаёт зеленыю. Это... это был мох. Целая поляна серебристо-зелёного мха. Посреди которого кто-то позабыл пластиковое ведро. Ведро от времени вросло в мох, оставив на поверхности лишь круглый обод и белую ручку. Девочка, позабыв, где она находится, даже не оглядевшись толком, присела и провела рукой по серебру. Ах, как он был мягок, этот мох. В Икее она пробовала на ощупь некоторые покрывала, которые там продавались, они были из флиса, кажется, так вот, этот мох был такой же нежный. Да, именно нежный. Жаль, что нельзя лечь и полежать на нём. Погреться на солнце, которое уже печёт так, что можно даже и позагорать, не хуже, чем в Турции. Но нужно было идти. Света поднялась и поставила ногу на серебро лужайки. Какой он всё-таки мягкий, удивительно... И тут её ступню словно обожгло. Снизу вся подошва запылала в одно мгновение. Или, может, это был не огонь, может быть, десятки, сотни иголок проткнули одновременно крепкую кожу ноги девочки.

– А-а! – и от боли, а ещё и от страха и неожиданности закричала Светлана и тут же попыталась убрать ногу с серебряного ковра. Но нога словно прилипла. Ей даже при-

шлось приложить усилие, чтобы вырвать свою ступню из этого страшного мха. Вырвала, уселась на попу тут же, глядела на бурый след, что остался на серебре, ещё переживала боль. Бурый след! Отчего он такой? И только тут девочка поглядела на свою ногу, чуть вывернув стопу к себе. О! Вся подошва от пятки и до пальцев была испещрена мелкими круглыми отверстиями, из которых сочилась кровь. Кровь стекала к пятке и большими медленными каплями падала на рыжую, уже высыхающую на солнце землю. А Света ещё раз взглянула на лужайку. И её осенило. Там, посреди лужайки вросло в мох... Никакое это не ведро. Это был не белый край ведра с белой ручкой, это были белые рёбра какого-то существа, может быть, даже... человека? Только тут у девочки заработала голова. Как можно было не заметить и другие кости, что были на лужайке?

«Фомина, ты тупая!». Она даже чуть всплакнула, скорее от обиды, чем от боли. Ведь теперь ей придётся не идти к домам для поисков, а вернуться назад, в убежище. Сейчас, когда жгучее солнце сушило слёзы на её щеках, а со ступни всё падали и падали капли крови, она не поставила бы под сомнение ни одно слово Лю. Теперь она бы всё слушала внимательно и ещё переспрашивала бы, стараясь всё запомнить. Сны-не сны, потоки времени, трёхмеры, сирены... Как было бы здорово вот сейчас опять услышать этот спокойный и красивый голос у себя в голове.

– Лю, вы меня слышите? – на всякий случай произнесла

девочка.

Голос ей не ответил, а сидеть тут, на открытом месте рядом с лужайкой, было нельзя. Девочка стянула с себя свою майку, всё равно нет никого вокруг, как-то обмотала ею ногу... Майка сразу покраснела. Ну как... как можно было спутать ведро с рёбрами, да ещё и запах не почувствовать... Тут же смердит тухлятиной, невыносимо смердит... Как она этого не заметила, или это солнце так припекло, что запах стал такой сильный? Девочка встала, теперь она старалась быть внимательной, поглядела по сторонам. Опираясь лишь на пятку раненой ноги, пошла обратно, ей очень хотелось побыстрее попасть в развалины двадцать восьмого дома, которые она уже считала своими. Солнце жгло невыносимо, оно-то и спасло девочке жизнь. Неожиданно потемнело. Свет, зной, свет обжигающие плечи лучи и вдруг... тенёк. Света удивилась, на небе она не видела ни облачка, а тут вон как... Девочка обернулась и увидала, как со спины её догоняют верёвки-жгуты, тянущиеся с неба. Жгуты, некрасивые, серые, в потёках, даже на вид липкие, а на их концах – лиловые расширения, похожие на крупные мужские ладони, только все в присосках. И летят-шевелиются эти липкие мерзости прямо на неё, летят быстро, своими «ладошками» едва не касаясь земли, ещё и растопыриваясь в стороны, чтобы охват был побольше. Присоски на «ладошках» уже рассмотреть можно. И рядом уже – вот они. Вот она, ладошка, липкая, слюнявая! Девочка и про больную ногу позабыла, чудом увер-

нулась, вывернулась едва-едва, чтобы не коснуться жгутов. В десятке сантиметров, ну, может, в двух десятках, пронёсся один из жгутов от её локтя. Уворачиваясь, она чуть приподняла свою палку, и конец палки как раз оказался на пути липкого жгута. Была палка – и нет, жгут в мгновение ока обвился вокруг неё петлёй и вырвал оружие девочки из её рук с необыкновенной лёгкостью, поцарапав ей сучками руку выше локтя. Но тут уж ей было не до царапин и даже не до такой отличной палки, тут нужно было самой спасаться.

Даже не подняв глаз, она кинулась бегом к развалинам двадцать восьмого дома. Уже ни боли в ноге не чувствовала, ни дороги не разбирала, удлиняла шаг, увеличивала скорость, перепрыгивала кучи битого кирпича и, рискуя налететь ногами на что-нибудь острое, долетела до входа в развалины и лишь тут остановилась. Повернулась, чтобы понять, что же это было. Она догадывалась, но хотела убедиться. И её догадка оказалась верной – там, где она недавно была, в небе, медленно и величественно, почти не делая каких-либо движений, парила огромная, намного больше парашюта, розовая медуза с лиловой бахромой по краям тела. Она была даже красива, и, кажется, плыла в сторону девочки. Медуза стала лениво и неспешно делать те сокращающиеся движения, что дают медузам возможность двигаться. Медуза передумала лететь прочь, она двумя рывками изменила направление. Эта красота двинулась в сторону девочки, волоча к ней свои страшные жгуты-ладошки. Глаза у неё, что ли, бы-

ли?

Светлана тут уже раздумывать не стала, кинулась внутрь, за стену, и вверх по пролёту лестницы в отвоёванный у жабы угол. Ей было страшно, по-настоящему страшно, ведь крыши-то над ней не было, только стены углом и всё. А вдруг эта красивая и огромная тварь скинет к ней сюда свои липкие, похожие на мертвечину жгуты? Что делать? Девочка уже заглянула вниз. Придётся бежать туда. Палка! Как ей дальше без палки? И майка, её окровавленная майка слетела с ноги во время бега. Короче, она стояла в своём убежище в одних трусах, с больной ногой, без палки и задрал вверх голову. Ждала, появится над нею медуза или нет. Со страхом, с замиранием сердца смотрела на угол неба, что был ей виден.

– Ну Света-а... Уже будильник два раза звонил. Просыпайся, – кто-то пальцами разжимает ей веки на левом глазу.
– Света-а-а...

Это может быть только один человек. Она открыла глаза. Так и есть. Колька стоит рядом с кроватью, да ещё склоняется к ней, пытается говорить ей в ухо:

– Мы опаздываем, Света-а...

Надо было его осадить, но Светлана находится в каком-то непонятном для себя состоянии. Она в оцепенении, и это от того, что между её нынешним миром и тем, что происходило с ней во сне, нет никакой черты. Медуза и жаба были так же для неё реальны, как её нудный братец. И если вчера она

проснулась, почти ничего не помнив, то сегодня она помнила всё. Всё, всё, всё до мельчайших подробностей. Вплоть до тактильных ощущений, которые испытывала, когда гладила серебряный мох мёртвой лужайки. Она чувствовала, что на ней нет майки, она не испытывала боли, но знала, что под одеяльник прилипает к высыхающей крови на её ноге.

– Света, нам надо идти. Мы опоздаем на завтрак, – говорит Максим, даже он уже волнуется.

О! Нет! Это уже серьёзно. Это приводит её в чувство. На завтрак опаздывать нельзя, или придётся отдать папин завтрак близнецам.

– Вы зубы почистили? – спрашивает она, пытаясь дотянуться до стула, где висит одежда. Берёт олимпийку.

– Да всё мы почистили, – кричит Колька. – И умылись!

Мальчишки даже уже одеты.

– Идите обувайтесь, – говорит им девочка и, позабыв про кровь, вытаскивает ноги из-под одеяла.

– Света! Смотри! Кровь! – кричит Макс, который обычно спокойнее Кольки. – Света, ты порезалась! У тебя вся нога в крови!

– Идите уже... обувайтесь! Сказала же вам, сейчас я приду! – в ответ кричит она им.

Сама встаёт и натягивает треники. Кровь на самом деле уже подсохла. Девочка быстро идёт в ванную, надо её смыть, взять носки. Хорошо, что нога почти не болит, только когда наступаешь, и то немного. В ванной она была недолго, когда

вышла, мальчишки стояли в прихожей уже обутые. Стояли, молчали и смотрели на неё.

– Ну, что ждёте? – говорит она, беря ключи. – Открывайте дверь.

Глава 10

Ступня не болела, пока на неё не наступали, а как Света пошла, так заныла. И хорошо, что она не поленилась надеть носок, кажется, он промок. Но девочка старалась не хромать. Рядом шли близнецы, оба серьёзные, даже Колька молчал. Они поглядывали на сестру, и в глазах детская, честная тревога. Максим берёт её за руку, заглядывает ей в лицо:

– Света.

– Чего?

– А ты не заболела?

Светлана старается улыбнуться. Обнимает брата. Прижимает его голову к себе:

– Нет, не заболела.

– Света, а почему у тебя нога в крови, ты пошла, а на полу следы, – сразу спрашивает Коля и берёт её за другую руку, и тоже заглядывает ей в лицо.

– Потому что порезалась, – отвечает она.

– А сейчас тебе не больно ходить? – спрашивает Максим.

– А как ты порезалась... Ночью? Обо что? – засыпает её вопросами Николай.

– Так... Идите быстрее, опоздаете на завтрак, до обеда будете голодными, – заканчивает разговор сестра и ускоряет шаг.

Пришла домой, первым делом поглядела на носок. Он промок от крови, в кроссовке тоже чуть-чуть есть. Папа был уже дома, и девочка быстро прошла в ванную. Там, достав аптечку, нашла зелёнку и смазала всю ступню. Страшно получилось, зато кровь перестала сочиться. Поискала новый носок, но почти все носки были рваные, пришлось надеть разные.

Если на «охране» папа может подремать ночью, то на «резке» спать не приходится. Он всю ночь режет продукты, упаковывает салаты, клеит этикетки, собирает салаты в ящики, каждому заказчику свой. Там он устаёт. Но всё равно, отпустив Нафису, он не идёт к себе, а садится в комнате у мамы, включает телек.

– Па, иди ложись, поспи. А я побуду с мамой, – говорит ему Света.

– Нет, я тут посижу, подремлю, а ты иди в школу, как вернёшься, я лягу спать.

«В школу, в школу». Папа всё время гонит её в школу, а Светлане там плохо, у неё больше нет подруг, с ней никто из девочек давно не общается. Раньше, в младших классах, когда-то, они приходили к ней в гости толпами, потом, когда Света стала бегать, их интересы разошлись, но они всё равно хоть как-то общались, хотя уже только в классе, уже тогда девочки её перестали звать с собой, если собирались у кого-то в гостях. Но в те времена Светлана сошлась с девочками из команды, многие из которых были постарше её. И

они ей были интереснее одноклассниц. Ну а после беды, что случилась с семьёй девочки, на тренировки она стала ходить очень редко, а одноклассницы и вовсе перестали её замечать, теперь всё общение сводилось к «приветам». И вопросам типа: какой у нас сейчас, литература? Ну а с пацанами она почти не общалась, все пацаны были либо уроды, типа Пахома, либо те, что на Светлану внимания не обращали. Да ещё и учителя. Учителя её не очень любили, Светлана, занявшись спортом, подзабросила учёбу. И с твёрдой хорошистки скатилась в троечницы.

– Па, у нас всё равно уроков почти нет, в школе пусто, учителя болеют, что мне там делать? Давай я дома побуду, а ты выспишься, – предложила Света.

Нет, папа всё думает, что ей нужно будет поступать в институт, он всё надеется на это:

– Нет, Светка, иди. Нельзя бросать школу, понимаешь, нельзя.

Кажется, для него эта школа была тем последним делом, что связывало Светлану с нормальным миром. Хотя для себя Света давно всё решила, она уже не делала уроков, не старалась на контрольных, ей было всё равно, какую оценку ей поставят. Она просто отбывала в школе время.

– Ладно, па... Поем и пойду.

Она собиралась долго есть, чтобы даже на второй урок не успеть.

Парк Победы в Петербурге считается местом престижным. Дорога на юг, близко до центра, на Московском проспекте много магазинов и ресторанов, дома вокруг парка все респектабельные «сталинки», во дворах этих домов много дорогих машин, «каены», «мерседесы» и «бмв» последних моделей, попадаются «ягуары». Публика в этом районе живёт не бедная. Но эта женщина бросалась в глаза даже на чистой и зелёной улице Фрунзе. Светлана остановилась на перекрёстке, ожидая зелёного сигнала светофора, смотрела по сторонам и увидала её. Девочка и сама была немаленького роста, среди девчонок вторая в классе после Ксюхи. А эта дама была намного выше Светы. Была она одета в бежевый плащ с поясом, чёрные замшевые сапоги до колен, что рановато для тёплого сентября, и чёрные кожаные перчатки, которые тоже ещё рано носить. На голове красный платок. Глаза скрыты большими солнцезащитными очками, это в сентябрьском Санкт-Петербурге, а нижнюю часть лица закрывала никого сейчас не удивляющая антиковидная маска чёрного цвета. Элегантность, тайна, опасность. Света постеснялась долго рассматривать эту даму. Или побоялась. В общем, женщина была очень яркой и запоминающейся. И самым удивительным было то, что она шла за Светланой почти до самой школы. Только у школы она зашла в магазинчик, что был в доме напротив.

Но и это было ещё не всё, когда после уроков девочка возвращалась домой и уже свернула с улицы Ленсовета во дво-

ры, она, случайно повернув голову в сторону, опять увидела эту женщину. Это было так странно, что Света непроизвольно ускорила шаг. А перед тем, как войти в подъезд, даже обернулась. Не идёт ли женщина за ней? Нет, во дворе элегантной дамы не было.

Ну и ладно, у девочки хватало забот и тревог и без этой женщины.

Ей, например, нужно было вымыть полы в квартире, так как на полу в её комнате, и в коридоре, и в ванной остались грязные следы от её кровотокающей ноги. О! Нога! Света позабыла про неё, так как нога не болела. Девочка уселась на свою кровать, стянула почерневший, кажется, от зелёнки, носок и осмотрела ногу. Ранки на ноге больше не кровоточили. Зелёнка сделала своё дело. Ну и славно. Света пошла, быстро перекусила. Сварила себе две сосиски и яйцо. Доширак трогать не стала, очень хотелось, но не стала. Близнецы иногда вечером не ограничиваются печеньем и молоком и просят есть. Впрочем, дешёвые сосиски с яйцом, с майонезом, со «столичным» хлебом, были очень вкусны. Она бы и ещё столько же съела. Последнее время есть ей хотелось всё больше и больше.

Весь оставшийся день она мыла полы, сняла постельное бельё, стирала его, готовила папе и себе ужин, решила жарить картошку, у неё был хороший кусочек сала в морозилке. Пока суежилась, забегала к маме, сказать ей что-нибудь. Мама должна слышать голоса, должна знать, что она не одна.

Так доктор велел.

Еле успела до папиного пробуждения все дела поделать. Когда встал папа, она сбегала за братьями в садик и, вернувшись, сразу стала жарить картошку. Картошка у девочки получалась, папа хвалил блюдо. Светлане было приятно. Вот и сейчас он сел есть, перед этим выпив свои таблетки. Взял вилку и спрашивает:

– Светланка, ну а у тебя как дела?

От такого вопроса девочка даже растерялась. Как у неё дела? А как у неё могут быть дела, если папа инвалид, а мама уже почти год как лежит, не вставая и не приходя в сознание. А ещё ей снятся странные сны, в которых она получает вполне себе реальные раны. И у неё есть знакомый голос по имени Лю. Он её... ну, наверное, друг, который помогает ей выживать в ужасных сновидениях. Рассказать об этом папе? Ей очень, очень хотелось поделиться с ним всем тем, что с ней происходило, но разве можно это делать?

У него, что, мало забот, чтобы ещё и о её снах и ночных голосах думать. Нет, пока она ничего ему рассказывать не будет. Это лишнее, папа и так выбивается и сил.

Светлана подошла к отцу и обняла его:

– Да всё нормально, па.

– Я в том смысле, – продолжал отец, накалывая горячую, румяную картошку, – что тебе через два месяца шестнадцать исполнится. Вот думаю, что тебе подарить. Что тебе нужно? Что бы ты хотела?

Что бы она хотела? Одежду, телефон, кроссовки. Да ей просто бельё нужно, носки. Всё её бельё старое и изношенное, она давно из него уже выросла, а последнюю приличную маечку она потеряла во сне, когда бежала от летающей медузы. А ещё Света вспомнила, какое бельё носят некоторые её одноклассницы. Она видела их раздетыми в раздевалке перед физкультурой. Ну, о таком она даже не мечтала. Ей бы просто новое.

– Мне нужно бельё, па.

– Да я не про такой подарок, – говорит отец, – я про нормальный.

– Па, – говорит Светлана назидательно. – Мне сейчас нужно только бельё, ну и носки ещё.

Отец молча кивает. Он такой уставший в последнее время, Светлана опять его обнимает.

Папа, как всегда, выкурив сигарету после ужина, ушёл на работу. Ему нужно было быть на работе к девяти, но он уходил в половине восьмого. Света смотрела на него из окна. Папа ходит медленно, без костылей ноги его почти не слышатся, он без них только стоять может, поэтому даже до остановки на проспект Гагарина, до которой Света добежит за минуту, ему приходится идти минут пятнадцать.

Поглядев, как отец скрылся за углом, девочка подошла к матери, уже который раз за день, пожала ей руку и сказала:

– Папу я накормила, картошку жарила. Он на работу пошёл.

Кажется, мама ответила ей движением зрачков под веками.

Света села в кресло рядом с матерью, включила телевизор. Всё было, как всегда. Братья ругались за компьютером в своей комнате. Встать, пойти подзатыльников раздать? Нет, она сидит и нажимает кнопки на пульте, даже не пытаясь понять, что по какому каналу идёт. Если быть честной, то ей было... немного страшно. А если быть ещё честнее, то и не немного. Когда она бежала от медузы, она не испытывала страха, ей было не до того, а вот после и сейчас... да, страх был весьма реальный. Он перемешивался с чувством беспокойства и неотвратимостью нового испытания. Что уж там, она заметно тревожилась и отдавала себе в этом отчёт. Аж руки вспотели. Совсем как перед ответственным забегом когда-то. Но к соревнованиям она готовилась, готовилась серьёзно. Точно! Сейчас она думала о том, что ей надо подготовиться. Если этой ночью она снова окажется в этом сне, то ей нужно быть готовой. Очень, очень не хотелось Светлане снова оказаться там, но почему-то у неё не было и намёка на сомнение, что она сегодня снова увидит вязкий желтоватый туман, а потом и обжигающее солнце.

«Да, нужно подготовиться ко сну».

Как забавно это прозвучало. Только вот смешным это ей не показалось. Она встала, бросила на кресло пульт и, оставив маму, пошла к кладовке, где лежали её вещи. Вытащила свой беговой костюм, в котором бегала в непогоду. Кроссов-

ки, старые, совсем рваные, но это лучше, чем босиком. Те, что ещё можно было носить в школу, было жалко, мало ли что. Она вернулась к маме в комнату и разложила костюм с обувью на полу. Осмотрела всё и стала мерить. Конечно, всё оказалось ей мало. И куртка узка, и брюки короткие, и кроссовки – пальцы впriтык, она за год заметно подросла. Но ничего другого у неё не было. И пусть, перед кем ей, перед медузами красоваться или перед крикунами? Немного неудобно, но будь на ней кроссовки, даже эти рваные, серебряный мох ей ногу не раскроваил бы. Она чуть-чуть посто-яла, подумала. Точно! Ей нужно оружие. Пошла, как была, в костюме, на кухню, там был большой нож для резки мяса, но Светлана им не пользовалась, он казался неудобным. А вот теперь он ей как раз подходил. Ещё она нашла в столе кусо-к капронового шнура, тоже может пригодиться. И её опять осенило! Она пошла в кладовку и нашла папин ящик с ин-струментом. Там был молоток с красной резиновой ручкой и с загибом-гвоздодёром, он с детства казался ей страшным. Она взяла его в руку. Он был удобен, и теперь он не казался ей таким тяжёлым, как раньше. Светлана решила взять его с собой. Задвинула инструменты на полку и подумала, что ей ещё может потребоваться зажигалка. У папы их было много. Она пошла в его комнату со всем, что нашла, и с ножом, и с молотком, а тут как раз позвонили в домофон. Девочка вы-бирала зажигалку из тех, что лежали на тумбочке у папиной кровати, а домофон тем временем разрывался. Света, разо-

злилась, схватила зажигалку и выскочила в коридор.

– Мелкие уродцы, вы, что, не можете открыть?

Братья, только что шумевшие, почти дравшиеся, теперь притихли, но от компьютера не оторвались, только смотрели на неё чуть удивлённо. Света открыла дверь, ну конечно же, это пришла Иванова, чтобы заступить на дежурство возле мамы на ночь.

Девочка влетела в комнату к братьям, отобрала у одного из них мышку.

– Что, тяжело оторваться от этой фигни?! – говорит она зло. Даже не говорит, а орёт. – Никто не может встать открыть дверь сиделке? А? Всё я должна делать?

Мальчики молчат. Она обычно позволяла им сидеть до десяти, но тут злость, а ещё больше волнение у неё разыгрались:

– Чистить зубы и спать! Быстро! – снова кричит она.

– Мы ещё молоко не пили, – напоминает Максим.

– Пошли на кухню, быстро попили и чистить зубы.

Она подзатыльниками и пинками гонит братьев на кухню, наливает им молока, даёт по одному прянику. Братья торопятся, пьют, едят, а сами смотрят на неё поверх стаканов, видят, что она в беговом костюме, с ножом и молотком в руках. Макс делает брату замысловатый знак, Колька понимает его без слов и спрашивает:

– Света, а ты снова бегать будешь?

– Буду, – зло говорит девочка. – Допивайте.

– А нож тебе зачем? – не отстаёт Николай.

– А молоток? – спрашивает Макс, допивая молоко.

– А ты сейчас побежишь? – продолжает Колька.

Света ничего не хочет им объяснить.

– Допили? Всё? Стаканы в мойку – и в ванную, через минуту я приду, чтобы были в постели! – заканчивает разговор сестра.

Мальчишки убежали, а она помыла за ними стаканы. Мыла, а у самой руки подрагивали. Сентябрь, за окном уже темнеет. Ночь скоро. Ей уже тоже пора ложиться. И тут ей пришла в голову мысль: а если не ложиться спать до утра? Что будет?

Эта мысль ей очень понравилась. Точно, нужно попробовать. Сейчас уложит братьев, а сама сядет посидит в интернете, там можно сидеть долго. Иногда она просиживала в паутине до утра.

Глава 11

Такое впечатление, что туман стал в два раза плотнее. И ещё... он был липким. Света помнила, что всего на мгновение опустила голову на стол перед компьютером. И всё, уже туман липнет к коже. К коже. Ведь на ней нет ни костюма, ни кроссовок, ни носков. Ничего нет, кроме трусов. Ей хочется плакать. Тем более хочется, что внизу, в тумане, среди строительного мусора, шевелится, шуршит кто-то, она очень надеялась, что это жаба. Непонятно, почему она так думала, ведь уже знала, что слюна жабы очень опасна, а палки у Светы не было. Всё, что она могла сейчас сделать, так это просто плакать или звать на помощь, и она позвала:

– Лю... Лю, вы тут?

Девочка замерла, выжидая положенные секунды... Тишина... Тишина... Любопытный не отвечал. Мерзкий туман и такая унылая тишина, что захотелось нарушить её хоть каким-то звуком, закричать что есть силы, лишь бы не завязнуть в этом тумане, похожем на старую вату. Только теперь она вспомнила слова Лю про сирен, про их песни, которые призывают людей, у которых нет надежды или которые думают о смерти. Она думала о смерти? Девочка не успела ответить себе на этот вопрос. Совсем недалеко, кажется, за стеной, пронзительно взвизгнул крикун. О, он так орёт, что его даже через этот туман отлично слышно. Ну и как тут ей не

плакать? И заплакала бы... Если бы не услышала такой красивый, спокойный и даже родной голос.

– Постарайтесь не издавать звуков, – сказал Лю. – Эти стайные существа прекрасно организованы и отлично ориентируются в тумане. Одно из них от вас недалеко.

Но Света тут же позабыла про предупреждение и уточнила:

– Вы про крикунов?

– Судя по всему, да, мы говорим об одних и тех же существах. Крикуны... Вы нашли им правильное название, но ещё раз повторяю, не издавайте звуков, у них отличный слух, это разведчик, он чувствует жабу и не станет приближаться к вам, если не услышит чего-то необычного. Имейте в виду, после медуз они самые опасные существа в тумане. Солнца они избегают.

Света замерла в своём углу. У неё был десяток вопросов, не меньше, но она не могла их задать. Нужно было ждать. И хорошо, что она молчала, опять невдалеке заорал крикун. А Лю произнёс:

– Это был разведчик, он уходит, его, кажется, отпугнул запах жабы, кстати, вам тоже нужно быть с ней аккуратней, я не уверен, что вы выживете, если её токсин попадёт на вашу кожу.

Светлана до этого и сама додумалась. И даже была чуточку этим горда. Но гордость гордостью, а палку-то у неё отобрала медуза.

– Я вчера наступила на серебряный мох, и меня чуть не схватила медуза, – произнесла она тихо. – Я потеряла свою палку.

– Лишайник, что растёт во влажных местах, весьма опасен, я забыл предупредить вас, но я видел, как некоторые ваши... соплеменники в момент опасности забегали на такую лужайку, они там скрывались от преследователей. Это эффективная тактика.

– Они были обуты! – догадалась Света.

– Да, у них на нижних конечностях были приспособления для комфортного передвижения.

– Я тоже пыталась одеться и обуться, подготовиться, взять с собой оружие, но тут я оказалась без всего.

– Это любопытно, любопытно, – медленно, словно размышляя, говорил голос. – То есть как бы вы ни готовились, сюда вы всё равно попадёте в своём естественном виде. Вы мне многое объяснили, Светлана-Света. Но это всего лишь один случай, слишком мало данных для законченной гипотезы. Раньше я считал, что невозможно вернуться в свой трёхмер с местными предметами, а оказывается, нельзя проделать и обратную операцию.

Света с трудом понимала, что он там говорит, и, как только голос умолк, спросила:

– А что делать мне?

– Думаю, для выживания вам всё-таки нужно добраться до тех домов, что не разрушены. И там найти себе одежду

и устройства для комфортного передвижения, вы называете это обувью. А также привычные для вас орудия, которыми вы сможете обороняться. Так вероятность вашего выживания в этой локации значительно повысится.

– Лю, а вы мне будете помогать? Без вас я тут умру, кажется..., – произнесла девочка.

– Светлана-Света, я буду прилагать для этого все силы. Вы мне очень интересны, вы одна из немногих представительниц вашего вида, с которой мне удалось установить такой хороший контакт, я с удовольствием буду наблюдать те метаморфозы, что будут с вами происходить в этих местах. Я предоставлю вам все имеющиеся у меня знания для скорейшей вашей адаптации к местным условиям.

Света не всё поняла. Речь голоса всегда была слишком учёной для неё. Но главное девочка уловила: Лю будет ей помогать. Она уже думала о том, что всё, о чём говорит ей голос, нужно запоминать, ничего не пропускать мимо ушей, вот это как раз был именно тот случай:

– Лю, а что значит мето... мето... какое-то там, что со мной будет происходить?

– Метаморфозы. Это значит изменения. Если вы не погибнете в ближайшее время, а сирена не отпустит вас и продолжит сюда призывать, то вы в процессе адаптации начнёте меняться. Будет меняться и ваша физиология, и ваш личностный конструкт. А мне очень хочется видеть, как вы будете меняться. И значительную часть времени, что я прово-

жу тут, я буду проводить с вами.

Свете бы порадоваться, но у неё в голове родилась одна интересная мысль.

– В позапрошлом моё тут... Ну, когда я тут была, на меня напал, вернее, хотел напасть, один дедок, такой, с незрячими глазами... Без носа. Сам голый был.

– Дедок? – кажется, Лю не понимал, о чём она говорит.

– Ну, старый такой человек, голый и со слепыми глазами.

– Ферокс. Я понял, о чём вы говорите. Да, именно эти метаморфозы я имел в виду. Часть попадающих сюда идут по пути примитивизации, они быстро приспособляются, прячутся от солнца, живут в тумане, улучшают слух и обоняние, но утрачивают зрение и навыки работы с инструментами, получают заметные физические преимущества, умение переваривать падаль, ядовитую и малосъедобную пищу, но утрачивают умственные возможности, попросту становятся дикими, фероксами. Это большая часть проникающих сюда. Но некоторые сохраняют свой разум и умение работать. Они здесь гости, искатели. Я называю их оптиматы. Их мало, но они есть. Есть призванные, которые просто идут к своей цели, к своей сирене, и, как правило, погибают. А есть супримы, но этих совсем мало.

Света растерянно молчала, обдумывала услышанное, стоя в своём углу над лестничным пролётом. Вот как, оказывается. Люди тут дичают, доходят до такого состояния, в котором был тот дедок! До состояния зверя? Как такое возмож-

но? А Лю, видимо, думая, что девочка испугана, попытался её успокоить:

– Вам нечего бояться того ферокса, он уже мёртв, его поймали и съели, как вы их называете, крикуны. Ближайшая видимая мною местность будет относительно безопасна, как только выйдет солнце и крикуны уйдут в своё логово.

Да, это всё было, конечно, здорово, дедка сожрала, крикуны скоро уйдут прятаться, Лю хочет наблюдать метаморфозы, а ей... Что делать ей?

– Лю, а что делать мне? Что делать мне, ведь мне нельзя идти к сирене. Пусть она меня хоть зовёт, хоть обзовётся. У меня мама в коме, а папа инвалид, а ещё два маленьких брата, я не хочу к сирене. Я не хочу, чтобы она меня сюда призывала, что мне делать, Лю? – намного громче, чем нужно, говорила, вернее, почти кричала девочка.

Молчание длилось дольше, чем обычно, но Света чувствовала, знала, что Лю ещё с ней, и она дождалась ответа:

– Возможно, вам придётся избавиться от сирены или избавиться от тех тягот, что не дают вам наслаждаться существованием в вашем трёхмере.

– Да как я от неё избавлюсь-то? – Светлана готова была зарыдать. – Я тут-то боюсь стоять, я не знаю, смогу ли выйти отсюда, меня вчера медуза напугала. Чуть не до смерти. Какая она, эта сирена, чем мне её убивать? Этих сирен хоть кто-нибудь убивал?

Она говорила всё это с упрёком, словно этот голос, этот

Лю виноват во всём, что с ней происходит. Ну, ей нужно было найти виновного, хоть кого-то. Хорошо, что Лю был невозмутим. Он всё тем же красивым и поставленным голосом отвечал ей бесстрастно:

– Я никогда не видел сирен, я знаю о них понаслышке, от таких же людей, как и вы, знаю, что это немаленькие существа, живущие на острове. Как их убить? Я этого тоже не знаю, но я знаю, что местная фауна и флора настолько смертоносны, что при желании способ можно будет найти. Что вам делать с вашим страхом – вам нужно его преодолеть, в этом вам никто не поможет. Это зависит только от вас. Я бы попытался стабилизировать ваше эмоциональное состояние, но моё время уже на исходе, я скоро должен буду покинуть вас.

– Лю, Лю..., – Света сдерживалась, чтобы не зарыдать, – так что мне делать? Сейчас и вообще... Что делать?

– Первое: стабилизировать своё эмоциональное состояние. Второе: найти себе одежду, обувь и инструмент, типа палки, что у вас была. Третье: изучить маршрут к острову, где живут сирены. Четвёртое: собрать о них информацию и разработать средство против них. Пятое: применить к ним разработанное средство.

– Это... Это всё очень сложно..., – она всхлипнула и поднесла руку к лицу, ей казалось, что всё-таки она не удержала слезу.

– Да, сложно, но сделайте хотя бы первый шаг. Напоми-

наю: одежда, обувь, инструмент. Всё, я оставляю вас.

– Лю, Лю..., – звала девочка, но ответа так и не услышала.

Как хорошо, как спокойно было ей, когда голос с ней разговаривал. А теперь тишина, где-то заорал крикун. Туман стал блёкнуть. Она подняла голову. Кажется, посветлело небо. Внизу шебуршала жаба. Светлана начинала к ней привыкать.

Вот и свет, девочка не торопясь спускается вниз, к выходу из развалин. Ей очень не хочется, чтобы жаба на неё плюнула, но внизу тихо. Жабы не слышно. Становится заметно теплее. Уже скоро солнце будет жечь. Высунув голову из прохода, она оглядывается по сторонам. Никого, ничего необычного не видит. Груды битого кирпича, строительный мусор – и всё. Она делает первый шаг.

Глава 12

Она сначала даже не узнала свою майку, майка была грязна и порвана чуть не на ленты, кто-то рвал её зачем-то, наверное, ему не давал покоя запах крови. Майка и раньше была ветхой, а сейчас просто превратилась в грязную тряпку, но Света зачем-то подняла её. Ей бы палку найти... Но палку утащила медуза. Медуза. Точно. Она стала озираться. И слава Богу! В двух сотнях метров от неё и, кажется, по направлению к ней плыла как раз такая же, а может, и та, что была вчера.

Вот уж нет, Света сразу побежала, но у неё хватило смелости бежать не в своё укрытие, а наоборот, от него, к камню. Бежала, аккуратно выбирая безопасное место для каждого следующего шага. Пробежав метров сто, остановилась около большого обломка стены с помятой железной дверью, за которой, в случае чего, можно было спрятаться. Обернулась. Да, это ужасное существо явно летело за ней, но вот в чём она теперь не сомневалась, так это в том, что медуза летит весьма медленно. От неё всегда можно убежать... Если, конечно, её видишь. А вот в тумане... Да, Лю был прав, в тумане её не рассмотреть, в тумане она очень опасна, ведь никогда не угадаешь, откуда прилетят жгуты с липкими лапками.

Она пробежала ещё немного, мимо серебряной лужайки,

и ещё дальше. Обернулась. Да, медуза её потеряла. Теперь она медленно плыла, резко сокращаясь всем своим гигантским зонтиком, куда-то в сторону. Светлана перешла на шаг и огляделась, кругом горы битого кирпича, обломки толстых стен. О, здесь росли одуванчики. На кирпичах кое-где желтели эти маленькие цветы. Ей нужно быть осторожной, везде острые предметы на земле, куски железа и стекла. Ещё одна серебряная лужайка между двух куч кирпича. Надо смотреть под ноги всё время. И на небо тоже. Она подняла глаза. Медуза уплывала куда-то вдаль, ещё одна висела далеко-далеко, в небе кружили две больших птицы. С басовитым жужжанием ей на грудь со шлепком упало отвратительное насекомое, и стало деловито готовиться её есть, Света с отвращением тряпкой-майкой смахнула его на землю. И пошла дальше к целым домам. Те дома выглядели хорошо, были как «живые», в которых даже все стёкла сохранились, и до них было уже недалеко.

Подойдя ближе к первому целому дому, осторожно заглянула за угол. И увидела... какого-то мужика. Все тело его, кисти рук и шея, даже лицо, всё было вымазано в какую-то чёрно-синюю краску. Да, настоящий мужчина, заметно старше папы. Был он одет в грязные белые трусы и крепкие ботинки, за спиной у него был большой рюкзак, на носу чёрные некрасивые очки, почти невидимые на чёрном фоне лица, а в руках он сжимал длинную палку, на конце которой красовался чёрный, крепко примотанный к палке изолентой нож.

Он остановился и скорчился, как от сильной боли, по его лицу было видно, что боль нешуточная. Спазм прошёл, и он выпрямился. Вдохнул и, чуть пошатываясь, пошёл дальше. Озираясь, подошёл к допотопной машине, что стояла у подъезда. Такие машины Светлана видела только в кино. Двери, капот и багажник настежь, а стёкол в машине не было. Мужчина заглянул в неё и стал что-то там искать, копаться, приклонив свою палку с ножом к крылу автомобиля. И тут новый приступ боли скрутил его, он выпрямился и... увидел Светлану. Мужик сразу схватился за свою палку, он и про боль позабыл. А девочка вышла из-за угла в надежде поговорить. Света прикрыла грудь тряпкой-майкой, а правую руку приподняла вверх: привет. Она не успела ему ничего сказать, мужчина закричал первый:

– У меня ничего нет! – он явно был напуган. – У меня пустой рюкзак.

Он стал пятиться назад, отходить спиной, выставив вперёд копьё. Девочка хотела крикнуть, что она просто хочет поговорить, но мужчина, измазанный краской, продолжал орать:

– Не подходи! Я буду драться, я распорю тебе брюхо! Стой там, у меня всё равно ничего нет, и я намазан соком фикуса! Видишь, видишь, я синий? – он поднял руку, чтобы девочка её рассмотрела. – Я весь в соке фикуса. Будешь блевать...

Он пятился, пятился, а потом повернулся и неуклюже побежал прочь, болтая рюкзаком на спине из стороны в сторо-

ну. Быстро побежал, для его-то возраста. И, оббегая препятствия, скрылся за углом следующего неразрушенного дома. Поговорить не вышло.

Света была растеряна. И, признаться, напугана поведением мужчины. Что он там ей кричал? Что у него ничего нету? И ещё что она будет блевать, кажется. Пока она думала, одно за другим прилетели два противных насекомых, все они пытались сеть ей на кожу. Она стряхивала их и вдруг поняла, что кожа-то у неё горит, на плечах, на груди, так горит, как на юге, когда с непривычки первые дни слишком много бываешь на солнце. И вправду, солнце пекло немилосердно. Надо было найти тень. У машины появились зверьки какие-то, вылезли из разбитого канализационного люка, небольшие, может, с кошку, нет, это были не кошки, спроси её кто, что это за зверь, она бы не смогла его даже описать. Светлана решила для себя, что это крысы. И были эти зверьки даже на вид весьма неприятные. Да, ей нужна была новая палка, а в идеале – палка с крепко прикрученным к её концу ножом, как у сбежавшего мужика. Стараясь не обратить на себя внимание крыс, она прошла вдоль стены и подошла к первой попавшейся ей двери. Светлана не была человеком опытным, она не думала о том, что будет, окажись на двери панель домофона. Она просто подошла к двери и удивилась. Домофона там не было, мало того, там и дверь была деревянной, а не железной. И ручка, большая деревянная ручка на большой деревянной двери. Она потянула дверь на себя, и та, на удивление

для такой большой двери, поддалась весьма легко. И её чуть не оглушил звон одновременно взлетевших в воздух сотен огромных мух, она даже прищурилась от этого звука, десятков мерзких созданий кинулись на свет, врезаясь в девочку, а вместе с ними на неё из подъезда пахнул густой, омерзительный запах. Смесь фекалий и полностью разложившегося мяса. Одного взгляда девочке хватило, чтобы не идти в этот подъезд. Там, сразу за порогом, в двух шагах от лестницы, лежало свернувшееся калачиком чёрное тело. Светлана даже не смогла разобрать по его ногам, по ступням, человек это или нет. Кажется, в теле было больше человеческого. А на нём, кроме мух, ползали десятки так хорошо ей знакомых, крепеньких и блестящих кусак. Свету замутило, да от одного запаха её могло стошнить, она отпрянула от парадной, даже и не подумав закрыть дверь. И пошла, пошла прочь, к следующей парадной, потеряв на мгновение бдительность и едва сдерживая позывы ко рвоте. Обернулась один раз только и увидала, как те противные зверьки, которых она считала крысами, весьма проворно кинулись к открытой двери, видно, на запах.

В следующей парадной никаких тел не лежало, горели лампы, тут вообще было светло, но стойкий запах фекалий и застарелой грязи присутствовал и здесь. Зато не было такого свирепого солнца, тут было попрохладнее. Она огляделась. Странное дело, но тут всё было другое, другие перила, другие двери, плафоны, звонки на дверях другие. Девочка ти-

хонечко, прислушиваясь ко всякому шуму, пошла вверх по прохладным и липким ступенькам, осматривая двери, да вообще всё, что тут было. Но вот о чём она опять не подумала, так это о том, что все двери на первом этаже были закрыты.

Одну из дверей она даже подёргала. Нет. Заперта. Светлана пошла на второй этаж. Там, на площадке, она увидела допотопный, таких она никогда не видела, трехколёсный детский велосипед, стоящий у одной из дверей. Выше, этажа на два, зло закричала птица, громко захлопала крыльями, но этих птиц Светлана не боялась, это они кричали в небе. Она пошла дальше, на третий этаж. Птица-не птица, а обувь и одежда ей были очень нужны. И на третьем этаже она нашла открытую дверь. Кто тут был до неё, сколько их было, она не знала, но в этой квартире не было ничего, мусор да высохшие испражнения, которые даже уже не воняют от старости. На полу в одной комнате она нашла древний музыкальный аппарат, на котором проигрывают древние пластинки в пожелтевших конвертах.

«Клавдия Шульженко», – прочитала девочка надпись на одном из конвертов. Она даже не могла вспомнить такого имени, и в этой квартире всё ей казалось чужим. Паркет, ломаная мебель, эмалированный бидон, жёлтый с красными вишнями, даже витые провода и чёрные уродливые выключатели. Все было не такое, как у неё дома. Она, перешагивая через мусор и ломаную мебель, подошла к окну, из которого в комнату вливались до боли в глазах белые лучи солнца.

И сразу узнала то место, которое увидела из окна. Проспект Юрия Гагарина.

А если взглянуть чуть левее, знакомый с детства перекрёсток Гагарина и Бассейной. Весь проспект был отлично виден. В её мире... Ну, у неё дома, там, не во сне, проспект не видно из-за больших деревьев, что растут вдоль дороги, а тут деревьев нет. Он весь как на ладони. А чуть левее она увидела СКК. Да, тут он ещё был, в реале его снесли почти год назад. СКК был большим, серым, тяжёлым зданием, но в ярком солнце он казался абсолютно белым, и вся огромная площадь вокруг него тоже казалась белой, и ещё горячеей, и над всем этим светлым местом почти неподвижно висели три медузы. Большая и две поменьше. Неприятное место. Но сразу за ними она увидела в дымке большую и хорошо знакомую ей красивую вывеску «Радуга». Это был один из любимых ею торговых комплексов, сколько фильмов она там посмотрела, сколько всего купила, сколько съела всякого вкусного на фуд-корте. Вспомнила – и сразу есть захотела, странно, раньше она здесь о еде не думала, а тут вдруг захотела есть, от гриль-чickenбургера она бы сейчас не отказалась, да и попила бы чего-нибудь. Но это всё были мечты, а пока ей нужно было искать одежду и оружие. Тут, среди ломаной мебели и старого хлама, ничего стоящего найти она не смогла. Девочка на всякий случай пошла в ванную, вдруг там есть швабра. Нет, тоже ничего, только хлам. Она вдруг поняла, что найти тут что-нибудь полезное будет

непросто. Кажется, до неё в этом доме побывало много людей. Она вышла из квартиры и пошла на следующий этаж. А там царил полный хаос, там было гнездо уродливой птицы, она разбила окно и поселилась прямо на лестничной площадке, загадив всё вокруг. Засыпав всё вокруг какой-то серой чешуёй и переваренными скелетами каких-то зверьков. Птица лежала в гнезде, и поэтому, поднимаясь снизу, девочка её не сразу увидела. Зато птица её увидела, когда Света почти поднялась. Она выскочила из гнезда, зашипела так яростно, что девочка отшатнулась, тем более что птица-то была немаленькой, побольше чайки была эта птичка. Она захлопала крыльями и кинулась на Светлану, но девочка отмахнулась и весьма удачно сбила её на загаженный бетон. И ужасная птица стала взлетать, яростно бить крыльями, поднимая с пола весь сор, который мог взлететь, и оглушительно орать. Второй раз кинуться на девочку она не решилась, вылетела в окно, но не улетела, а кружила возле окна и орала, орала, орала. Светлана даже уши заткнула. Она случайно заглянула в гнездо, и увидела там нечто бесформенное, жидкое, в прозрачной плёнке, с круглым птичьим глазом под ней. Мерзость! Да ещё и жуткий ор птицы в паре метров от окна. Света не стала подниматься дальше, а быстро побежала вниз, позабыв про осторожность. Лишь бы побыстрее уйти от орущей на всё округу птицы.

Света выскочила на почти белый и на удивление целый асфальт во дворе. Из прохлады и полумрака парадной и сра-

зу на солнце – ей пришлось сощуриться, иначе слёзы из глаз потекли бы. Она повернула к следующей парадной, дверь которой была приоткрыта...

Ни боли, ни страха девочка не почувствовала. Кто-то просто схватил её за волосы, дёрнул сильно... Она упала на этот горячий, очень горячий асфальт, даже ещё не понимая, что происходит. А после поняла: её крепко держат за волосы, и очень сильная рука тащит её, стирая кожу на бедре и коленке об асфальт. Тогда она ещё не пришла в себя от неожиданности, не заплакала, не кричала – всё произошло слишком внезапно, страх всё ещё не пришёл, боль ещё была терпимой, но вот удивление, удивление овладело девочкой, тем более что она над собой слышала бормотание...

– Наглость... Наглая..., – затем смешки. – Бродит тут наглая... Аглая не любит этого... Не любит...

А ещё был запах пота, резкий и едкий. Это был запах сильного тела. Но голос... Это был не голос «синего» мужика с палкой и рюкзаком, голос был женский. Светлана попыталась схватить руку, что сжимала её волосы, но её больно пнули в бок под рёбра и потащили дальше, и вот только тут ей стало страшно, да и больно...

Но всё закончилось; когда боль на ободранном асфальтом бедре стала уже весьма сильной, её втащили в тенёк дома, отпустили волосы, и тут же она увидела лицо женщины. Волосы чёрные, над губой полоской чёрные волоски усов и оранжевые веснушки по всей коже. Она схватила Светлану

за щёки пятернёй – пальцы сильные, как щипцы, под ногтями грязь, – повернула к себе, заглянула девочке в глаза:

– Что? Ты тоже слышишь вой? Эта тварь воет и зовёт меня, и зовёт... А тебя зовёт?

Светлана даже не успела и подумать над ответом на этот вопрос, как женщина продолжила:

– Я его слышу всё время, когда не пью таблетки, она воет и воет, днём и ночью, – и тут женщина заорала прямо в лицо девочке: – я не могу спать, я закрываю глаза, а она воет...

Света опять ничего не успела ей ответить. Женщина вдруг чуть успокоилась, самую малость, и спросила:

– А тебе врачи дают таблетки, у тебя есть таблетки? Мне дают, я их всё время пью, даже на ночь, иначе вой меня изводит, без таблеток я слышу, как она кричит, всё время слышу. Всё время, всё время..., – женщина вдруг стала бить себя ладонями по ушам, а потом схватила Светлану за трусы и дёрнула за них, заорав с тоской и отчаянием:

– У тебя есть таблетки, есть? Нет? Арипипразол есть? Феназепам есть? Что есть? Ничего нету? Нет? Конечно, нет, ты их сама бы уже сожрала...

Она вдруг вскочила, теперь Света видела только её поросшие чёрными волосками голени и страшные, натоптанные, все в черных мозолях ступни. И одна из этих уродливых ступней вдруг полетела девочке в лицо, Света едва успела закрыться руками, но удар был такой сильный, что ей всё равно как следует встряхнуло голову, встряхнуло голову да-

же через руки. И тут же безумные глаза женщины снова заглянули в глаза девочки, её злобное лицо было близко и закрывало всё вокруг. Света даже видела, как в её запутанных космах ползают насекомые.

– Ходишь тут, ходишь... Это моя территория, я тут живу, а ты думала, твоя? Да? Твоя? – и заорала так, что Света почувствовала её дыхание: – Это не твоё место, ты здесь сейчас и сдохнешь!

«Она долбанутая! – с ужасом подумала Светлана, видя в глазах сумасшедшей абсолютную осатанелость. – Она реально долбанутая, мама!».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.